ПЕРЕПИСКА З.Н. ГИППИУС С ВЯЧЕСЛАВОМ ИВАНОВЫМ (1903–1912)

Вступительная статья, подготовка текста и примечания Н.А. Богомолова *

В именных указателях к сочинениям Гиппиус имя Вячеслава Иванова встречается очень редко. Создается впечатление, что для нее, как и для Мережковского, имя и дело крупнейшего русского символиста, к тому же основательно погруженного в те же проблемы религиозного сознания, что и они, практически не существует. И переписка их, состоящая из считанного количества писем, также по видимости касается лишь не очень, на первый взгляд, существенных предметов. Однако такое представление обманчиво, поскольку несомненно ее внутреннее напряжение, создаваемое как раз теми постоянными и неизбежными столкновениями, которые были вполне закономерны.

К тому же следует учитывать, что речь должна идти о контактах не двух людей, а по крайней мере — трех, включая Д.С. Мережковского.

Писем сохранилось не так много, всего 6 от Гиппиус и 7 от Мережковского к Иванову, одно завершенное, одно оставшееся в черновике и один фрагмент из письма Иванова[1]. Но их совокупность дает все основания для выстраивания линии взаимоотношений между тремя писателями за период с 1903 по 1912 г.

Об отношениях Д.С. Мережковского и В.И. Иванова в настоящее время существует некоторая литература[2], однако фигура Гиппиус при этом практически не присутствует. Публикуемая переписка[3] должна способствовать расширению и углублению этих исследований: она интересна не только как совокупность свидетельств биографических контактов лидеров русского символизма, но важна и для описания самого символизма как динамической системы — его внутренней неоднородности и динамизма литературной жизни, — а также с герменевтической точки зрения. Она имеет значение для понимания философско-эстетического наследия как Мережковских, так и Иванова, отражая моменты их эстетико-мировоззренческой близости и размежеваний, их поиски нового, более соответствующего современности религиозного сознания.

Первые контакты Иванова с Мережковскими связаны с появлением в свет книги стихов Иванова «Кормчие звезды» и решением печатать долго писавшийся роман Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Пламенники». Жившие в 1902−1903 гг. в Женеве Ивановы воспользовались для налаживания контактов поездкой в Россию их друга и многолетней

---

* Настоящая работа не была завершена Н.А. Богомоловым из-за его безвременной и скоропостижной кончины 20 ноября 2020 г. Учет редакторских замечаний и уточнение деталей проведены А.Л. Соболевым.

спутницы М.М. Замятниной. Плохо на тот момент ориентировавшийся в русской литературной обстановке Иванов предполагал, что и его сборник, и роман Зиновьевой-Аннибал смогут заинтересовать журналы традиционного направления (да других они и не знали), а сборник — даже претендовать на Пушкинскую премию[4]. Однако переговоры Замятниной с редактором «Мира Божьего» Ф.Д. Батюшковым закончились неудачей — и книга Иванова ему не понравилась, и роман «Пламенники» вызвал решительное неприятие[5]. Именно в этот момент у Ивановых появляется новая надежда: не позже начала февраля 1903 г. (по новому стилю; по старому — конца января) они знакомятся с первым номером только что начавшего выходить журнала «Новый путь», и Иванов сразу же отправляет туда стихи[6], а Зиновьева-Аннибал начинает инструктировать Замятнину насчет похода в журнал: «Если они честные люди, т.к. <так!> честно стремятся к своей цели, то не могут не обрадываться <так!>: и идеи, и стиль в их духе: я только что прочитала повесть Соловьевой-Allegro “Племянница”. Это не *к идеям*, а к стилю относится. Надо бы им дать гранки и прямо *вторую* главу. <…> *Очень* надеюсь на “Нов<ый> Путь”. Светлый мог бы быть луч этот журнал, и если бы нас допустили в него, мы могли бы поднять его на высоту, о которой мечтают его начинатели. Надо всё испробывать <так!>, чтобы в него пробиться — вот мое мнение. Не съездить ли к Розанову и не поговорить ли задушевно с ним обо мне и о В<ячеславе> как о глубоких союзниках и прочитать ему несколько филос<офских> стихотв<орений> и также из “Райской матери”. Словом, ты знаешь, как поступать — лишь загорись. Я бы к ним подошла смелее <?> с точки зрения “братского знака”»[7]. Одновременно сама Замятнина случайно знакомится с А.Н. Бенуа, расспрашивает его о «Новом пути», и тот обещает передать экземпляр «Кормчих звезд» Мережковскому. В то же самое время парижская приятельница Ивановых А.В. Гольштейн также убеждает Иванова: «Теперь я думаю *места есть* для помещения Ваших статей и трагедии (про роман Л<идии> ничего не говорю, потому, что ничего не знаю, какой он будет). Это “Новый путь”. Достаньте или выпишите его, съездите в Россию и войдите с этими людьми в сношение <…> Если Вы приедете с трагедией или со статьей о лирической поэзии, Вы наверное немедленно займете там свое место. Статьи о религии страдающего бога у греков — в этом безусловно уверена — найдут место *всюду*»[8].

5/18 февраля 1903 г. Замятнина побывала у Мережковского и подробно описала свой визит[9], а через день в XIX заседании Религиозно-философских собраний увидала и Гиппиус: «Гипиус <так!> — нет, ее я еще переварить не могу — не может же быть, чтобы она только казалась такой кривлякой. Она ничего не говорила, но кривлялась весь вечер несказанно и держала себя некультурно. Она красива и, верно, умна, но что за душа у нее? Это вопрос. Я все это говорю, судя по ее внешнему виду и пантомимному сидению за столом заседания»[10]. Приведем заодно и еще одно впечатление, на этот раз уже от личной встречи: «Во время нашего разговора я в зеркало видела, что Гипиус слушает, зате<м> наконец она вышла и познакомилась (в белом обтянутом капоте шерстяном и белых туфлях — словно белый стебель с золотистой чашечкой). Она заинтересована, но, конечно, главная критика идет от нее, она ставит все в пример себя. Она говорит, что “надо и о непонятном писать понятно”, а ты этого не делаешь; “тотчас же начинаешь злиться и ничего не понимать, кто и что”. — “Вот я, я всегда писала понятно”. “Но, правда, такая манера у других была года четыре тому назад, но теперь уже это пройдено, теперь нужна арифметичность, к<а>к у меня”. Мережковский делает замечание “не хвались”, она возражает, что это не похвала, а правда»[11].

Мережковский не принял в журнал ни стихов Иванова, ни отрывков романа Зиновьевой-Аннибал, отчетливо, однако, разделив двух писателей, что Иванову не могло понравиться, но тем не менее не вызвало желания отвергнуть перспективу сотрудничества с журналом. Он сообщал Замятниной, цитируя свое первое, по-видимому, письмо к Мережковскому (судя по всему, стихи он посылал в редакцию, а не ему лично): «Мереж-

ковскому же я написал письмо. И уж, право, не знаю, как тут быть. Ни за что не нужно иметь вида заискивающих, а повидаться с ним еще было бы — кто знает? — быть может, и хорошо. Это предоставим исключительно Вашему такту. Ответ мне он, конечно, может и написать, если найдет нужным. <…> А пассаж из письма М<ережковском>у о “Пламенниках” следующий (наизусть помню): “Отказ принять в ‘Н<овый> П<уть>’ роман моей жены и сотрудницы — не удивил нас. Мы знали всю необычность его формы и не рассчитывали на то, что она будет прощена, не успев оправдать себя всем целым этого сложного произведения, задуманного как философская поэма и потому лирического в своей трагике и своем юморе, предполагающего широту манеры и пеструю смену тона. Что касается идейного содержания “Пламенников”, оно безусловно гармонирует с тенденциями “Нового Пути”, как положительными, так и отрицательными — будучи протестом против того, что *действительно* décadence в области философии, эстетики и морали”»[12].

На это письмо Мережковский откликнулся довольно скоро.

20 Марта 1903. С.П.Б.
Литейная 24, кв, 33.

Глубокоуважаемый
Вячеслав Иванович,

простите, ради Бога, что так долго не отвечал. Я все время был болен и очень расстроен цензурными гонениями на III кн<игу> Нового Пути. Сегодня она должна выйти (изрезанная — в особенности мой «Гоголь») и Вы, вероятно, получите ее вместе с этим письмом[13].

Вал. Брюсов написал рецензию о «Кормчих Звездах», которую Вы и найдете в этой книжке[14]. Мне Ваши стихи очень многим нравятся и кажутся родными так же, как и вся Ваша личность. Но есть кое-что в стихах, чего я не понимаю, не знаю, по своей или по Вашей воле. Вообще чувствуется, что Вы слишком долго живете в уединении. Оно укрепляет, углубляет, но суживает. Вам бы надо сюда, в Петербург, к нам всем. Не только Вы нам нужны, но и мы, кажется, были бы для Вас небесполезны. Тут столько жатвы и так мало делателей. Ну, да я надеюсь, что это еще будет, что Вы окажетесь нашим самым деятельным сотрудником.

А пока «Афоризмы», разумеется, присылайте, а также «Религию страдающего Бога»[15]. Последнее по теме нам чрезвычайно подходит. Об одном только очень просим: как можно понятнее, проще, наивнее! Наша главная задача — чтобы нас *нельзя было не понять*, так как наше главное препятствие — то, что нас всеми силами стараются не понимать. Ну, словом, мы не уходим от людей, а идем к людям, тут у нас глубочайший инстинкт, противоположный нашему же собственному недавнему индивидуализму и «уединению»[16]. Прочтите-ка Бальмонта о Некрасове (в III кн<иге> Н<ового> П<ути>)[17]. Это не очень сильно, слабее многих его стихов, но все-таки подлинно. А между тем — можно ли поверить, что это Бальмонт! И уж, конечно, эта метаморфоза происходит в нем непроизвольно, безыскусственно, так же, как во всех нас. Говоря грубо и банально — мы опять «идем в народ», но, разумеется, не с тем, с чем шли наши предки.

«Пламенники» очень любопытны, но слишком непонятны для читателей, чтобы помещать их в журнале. Мария Михайловна Замятнина обещала мне прислать дальнейшие корректуры «П<ламеннико>в»[18]. Я буду читать внимательно.

Итак, ждем от Вас известий и сотрудничества в Новом Пути. От всей души благодарим за Ваше участие.

Искренне преданный Вам

Д. Мережковский

P.S. Если увидите гр<афа> Прозора[19], передайте ему мой сердечный привет[20].

Как сотрудник «Нового пути» Иванов в 1903−1904 гг. для Мережковского фигура во многом близкая и привлекательная. Он уже известен своими парижскими лекциями, и Мережковский настаивает на их публикации в «своем» журнале. Он автор «Кормчих звезд», а также стихов, позже составивших цикл «Прозрачность», которые, по словам Мережковского, «очень многим нравятся и кажутся родными», но одновременно содержат в себе нечто, что для автора «Петра и Алексея» предопределяет их «непонятность», — видимо, ту мировоззренческую «непонятность» (сказавшуюся и в нежелании публиковать «Пламенники» Л. Зиновьевой-Аннибал), которая станет еще более значительной в 1905–1906 гг. В период же, о котором идет речь, Мережковский озабочен проблемой нового адресата, коммуникативности и общедоступности, ибо для него «главная задача — чтобы нас *нельзя было не понять*». В связи с этим он раньше других — Иванова, Бердяева и пр. — ставит проблему преодоления индивидуализма и уединенности («...мы не уходим от людей, а идем к людям...»). Однако Мережковский ставит эту проблему по-своему, как бы предвосхищая свою «эволюцию влево», тот утилитарный, публицистически-фельетонистский уклон, который не раз отметят Белый, Бердяев и др. и который скажется в особенности позже. В письме же он говорит о новом «хождении в народ» и о преодолении «недавнего индивидуализма», т.е. собственного, декадентского, констатируя и саму необходимость преодоления декадентства как такового. Словом, он затрагивает одну из своих, значительнейших для того времени тем — тему поворота от «декадентства» к «общественности», придавая обоим понятиям особое значение (ср. статью «Декадентство и общественность») и немного преувеличивая (что отметил в свое время Бердяев) меру присутствия декадентства в русской культуре.

Приведем здесь и другие письма Мережковского к Иванову, в которых говорится о сотрудничестве последнего в «Новом пути».

1

20 Ноября 1903 г.
С.П.Б. Литейная 24, кв. 33.

Глубокоуважаемый
Вячеслав Иванович,

Вы хотели нам дать для «Нового Пути» — «*Религию страдающего Бога*». Я уже писал Вам об этом и усерднейше просил Вас прислать рукопись, но Вы ничего не ответили, должно быть, не получили моего письма?..

Теперь, после многих колебаний и затруднений, мы *окончательно* решили продолжать «Новый Путь» в 1904 году. Для январьской <так!> книги, где начнется мой роман «*Петр I и царевич Алексей*» («*Антихрист*»), хотелось бы иметь также Вашу статью.

Очень, очень прошу Вас, пришлите ее ***немедленно*** по прочтении этого письма, *в каком бы виде она ни была*! Мы на днях приступаем к набору Янв<арской> книжки. Ради Бога, не задерживайте!

Если можно, ответьте телеграммой... Присылайте также стихов и других статей, на какие угодно темы.

Если «*Религ<ия> стр<адающего> Бога*» и не кончена, — это ничего, присылайте начало, сколько есть, только скорее, скорее, — «cito, citissimo», как писал Маккиавелли на своих депешах[21]. «Пропущение времени смерти невозвратной подобно», — как говорил Петр[22]. Корректуры Вам пришлем, так что если статья не совсем обработана, — тоже ничего, Вы исправите в корректуре, только присылайте, не медлите! Этим Вы окажете нам очень большую услугу.

Жду с нетерпением ответа.

Искренне преданный Вам

Д. Мережковский.

2

<Бланк «Нового пути»>
Почтовый штемпель 22.12.<19>03

Глубокоуважаемый
Вячеслав Иванович,

спасибо за Вашу превосходную статью. Первая глава произвела на меня глубокое впечатление. Ваш труд освещает все наши темы новым и поразительным светом.

Усердно просим: присылайте продолжение *как можно скорее*!

Январь уже вышел, и Вы его получите через день или два. Февраль уже печатается, и для того, чтобы не вышло замедления, нам нужно получить Вашу статью не позже 15 Января, а лучше бы пораньше.

Итак, ради Бога, поспешите! Сообщите, какое впечатление на Вас произведет Январская книжка.

Сердечно Ваш

Д. Мережковский.

3

2 Февраля 1904

Многоуважаемый
Вячеслав Иванович,

простите, ради Бога, что так замедлил ответом. Я был очень болен (нервно). И к тому же так занят, что двух слов не мог бы связать в письме. Продолжение статьи Вашей получили и оно уже набрано и отпечатано. За стихи спасибо. Мы их напечатали в этой же Февральской книжке, кроме первых двух, которые мне лично кажутся превосходными, но испугают нашу детски робкую и варварскую публику своими архаизмами («*сткла*» и проч.)[23]. Чтобы напечатать Ваши стихи, вынули и отложили до следующего № Сологуба[24]. *Не замедлите присылкою* следующей части *Религии Стр<адающего> Бога* — для *Марта*.

Нет ли каких-либо у Вас или у супруги Вашей мелких критических и *полемических* заметок на *текущие*, «*злободневные*» (вот словечко!!) темы. Острия, жалы, стрелы — вот что нам очень желательно *всегда*[25].

За отзыв о Петре и Алексее большое спасибо. Он очень глубок[26].

Не забывайте. Сердечно Ваш

Д. Мережковский[27].

Не комментируя эти письма подробно, отметим: Мережковский, как правило, говорит не столько от собственного имени, сколько от имени некоего группового «мы»[28], — подобное находим и в декабрьском письме 1903 г. к Иванову. Отмечая, что присланный фрагмент «Эллинской религии страдающего бога» произвел на него «глубокое впечатление», Мережковский пишет: «Ваш труд освещает *все наши темы* новым и поразительным светом». Труд поэта-эллиниста выявляет и просветляет то, что заложено в сознании определенного круга, формирующего идейный облик «Нового пути».

Существенно поэтому определить, что составляло в ту пору основания «наших тем», и указать, почему в восприятии Мережковского труд Иванова мог освещать их «новым и поразительным светом». Кажется несомненным, что в круг «наших тем» входили: центральная для Мережковского тема религии, или — по словам Белого — общего «перевала сознания по направлению к религии»[29], конфликт индивидуализма и универ-

сализма, тема религиозной общественности, а также связанная с ними и столь важная для писателя критика «исторического христианства». Притом, если учесть, во-первых, основное положение этой критики, а именно: что в историческом христианстве иссякли творческие силы (как формулировал это Бердяев, «оно бессильно преобразовать землю, плоть мира, оно носит односторонний и ограниченный характер»[30]), что оно есть «антитезис» язычеству и «антитезис, враждебный миру»[31], и, во-вторых, характерные для Мережковского поиски синтеза, соединения двух разрозненных полюсов религиозного постижения (христианства и язычества, духа и плоти, неба и земли, религии и жизни) во имя утверждения «святой плоти», — можно понять установку писателя на осознание некоей общности собственных идей, выраженных уже в книге «Л.Толстой и Достоевский», и идей Иванова в «Эллинской религии страдающего бога». Прежде всего, труд Иванова, указывающий на значение «дионисической идеи», проникнутый идеей преемства ценности и единения культур, подчеркивал значение античности («язычества») для современности, вскрывал первоосновы и истоки религии, столь важные и для «нового религиозного сознания» («Новое религиозное сознание возвращается к глубоким истокам всякой религии...»[32]). Далее, в своей работе Иванов заявлял о необходимости религиозного и культурного возрождения, связывая это возрождение и лик «преображенного человека» с именем Диониса[33], именем для него «священным» и в ту пору близким также Мережковскому, хотя и иначе им понимаемым, о чем будет речь далее. Наконец, своим выявлением психологии и мистики «трагического дионисизма» труд Иванова укладывался в тогдашнюю парадигму синтеза и в этом смысле также соответствовал устремлениям «нового религиозного сознания». О нем напишет Н. Бердяев во введении к своей книге, отправленной Мережковскому в Париж, где отметит: «Велико значение дионисизма в религиозной жизни, можно приветствовать стремление возрождения Диониса как *путь к примирению христианства и язычества*»[34].

Таким образом, точки соприкосновения в мировоззрении Иванова и Мережковского той поры несомненно существуют, но при более пристальном взгляде очевидными оказываются и различия, т.е. именно тот «*новый* свет», выявляющий новое, ивановское видение соотношения античности и христианства. Прежде всего, для Иванова и тогда, и позже христианство (не «историческое христианство»!) не есть антитезис язычеству, эллинской античности, «религии Диониса». Иванов подчеркивает это и в своем труде, и в комментариях к нему. Так, например, он пишет в 1904 г. С.А. Венгерову: «В этой работе, озаглавленной “Эллинская религия страдающего бога”, я, с одной стороны, обосновываю свои взгляды на сущность и корни дионисической мистики и экстаза <...>, с другой — пытаюсь осветить *живое значение* дионисического круга верований и переживаний, своеобразно *окрасившего и христианство, для духовной жизни нового человечества*»[35].

Таким образом, для Иванова мифическая правда «язычества» (лучшее в нем) не утрачена в христианстве[36]. «Дионисические верования» — это семя и своеобразная префигурация христианства, они суть «слово», ждавшее Слова как своего последнего завершения[37]. Во внутреннем, эзотерическом плане для Иванова не существует разрыва античной и христианской культуры, этот разрыв произошел в экзотерическом плане. Поэтому и позже, в послесимволистский период Иванов будет говорить о необходимости *христианской интерпретации античности*, выявляющей ее универсальную ценность и значимость, дабы сделать античность «приобретением навсегда»[38]. Ибо, согласно Иванову, христианство живет и движется в человечестве «не только воздействием Разума божественного и божественной Любви, но и воздействием Памяти»[39], которая в мировоззренческой системе поэта приобщает к Началу, к «инициациям отцов» и их инициативной силе ради выхода из эмпирии в постижения «другого, истинного бытия»[40]. Последнее Иванов находил и в «религии Диониса», и в философской мысли античности, прежде всего у Платона. Поэтому он постоянно говорил о том, что в «чаемом образе

преображенного человека» нет и не может быть «принципиального противоречия между мистикою эллинской и христианством»[41].

Таким образом, принадлежа к «общине поклонников античности»[42] и, подобно Мережковскому, «греческой мудрости»[43], Иванов обращался к античному наследию по несколько иным причинам, чем автор «Христа и Антихриста». Поэтому оба мыслителя различно понимали и саму античность (язычество), и христианство, в силу того, что Мережковский видел в них прежде всего обнаруженное вовне, экзотерическое, Иванов же — их сокровенную, эзотерическую сущность (ср. в «Римском дневнике»: «Языков правду, христиане / Мы чтим...»[44]). Первый возлагал большие надежды на новую религиозную общественность (не реализованный в христианстве тип общения), второй — на пневматику религиозной жизни и духовно-мистический трансцензус «я», духовное восхождение личности к Богу, хотя и осуществляемое в пределах соборности как «вселенско-личностного единства»[45].

Лично Иванов познакомился с Мережковскими в начале апреля (по старому стилю) 1904 г., когда на несколько дней они с Зиновьевой-Аннибал приехали из Москвы, где в тот раз провели четыре месяца, в Петербург. О его собственных впечатлениях мы не знаем, но сохранились впечатления его жены: «Вчера вечером была у Гиппиус и Мережк<овского>. Вячеслав видел их дважды до меня (я лежала по необходимости, хотя очень мало), и по его рассказам (хотя он и épris ее красотой) она мне казалась более вульгарной и неприятной, чем по личному впечатлению. Она была проста и *очень* со мной мила и любезна до ласковости. У них были Сологуб, Чулков, Философов, мы привели неразлучного нашего братишку Пояркова, который в страшные минуты (когда Гиппиус ругала его) искал моего взгляда и ободряющей улыбки. Холодный догматизм прикрывается словами мертвого огня, и ни они нас, ни мы их обресть не можем. <…> Да, Мережковский подарил книгу Вяч<еславу> с надписью: “В<ячеславу> Ив<анови>чу от поклонника его музы”. Сегодня вечерком к Мереж<ков>ским, потом вместе к Микве»[46]. И как итог ее впечатлений — дневниковая запись от 22 мая: «Петербург — прекрасный, грозящий и призрачный. Люди там тоскливо-безнадежные и догматично верующие узко и затонно <?>, и всегда горделивые, — таковы (всё вместе) Мережковские. <…> Мы как-то тоскливо устывали <так!> и тосковали там. Пробыли десять дней. Мережковские очень ревновали нас к Москве, и не кончались упрямые споры, в которых спорящие слушают лишь себя. Мереж<ковс>кий скалил зубы и вращал белки против “оргиазма” вне Христа и требовал крепкие четыре ставни вокруг “как”, чтобы прежде *всего* было “что”. Гиппиус поддерживает его и изловчается в допросах придирчивых и не мудрых, но не производит впечатление самостоятельно дошедшей до их странной христианской веры, эзотерику которой она нам не пожелала раскрыть как людям “не хорошей воли”. Их интимный, нагой человеческий облик так и остался нам скрытым. Всё возможно, и худшее: бездна тщеславия Новой Главы Церкви и извращенность черных месс <2 строки не читаются> Христа всё вновь становится приемлемо, и любовь, и страсть… Возможно и то, что он человек истинно зажаждавшийся. Москва прямее, яснее…»[47]. Еще раз Ивановы встречались с Мережковскими в мае в Москве, и впечатление снова осталось двойственное.

Результатом этого общения стало то, что Иванов остался ближайшим сотрудником «Весов», а связи с Мережковскими замерли. Однако в 1905 г., когда Ивановы вернулись из Женевы в Петербург, встречи между двумя писательскими парами стали неизбежными и частыми. За описанием отсылаем читателей к литературе[48], но существенно отметить, что именно в это время особенно явно обнаруживаются существенные расхождения между тремя писателями и мыслителями. Речь идет о событиях в революционных 1905–1906 гг., о периоде, имевшем во многом решающее значение для Мережковского, для его поворота к «злободневному», «текущему», его размышлений о судьбах и предназначении интеллигенции, когда, по его собственным словам, он понял «опять-таки не

отвлеченно, а жизненно связь православия со старым порядком в России, понял также, что к новому пониманию христианства нельзя иначе подойти, как отрицая оба начала вместе»[49]. Эти расхождения были спровоцированы прежде всего недовольством Мережковских той недостаточной, с их точки зрения, устремленностью к прямому политическому действию, которая чувствовалась за предприятиями Иванова. Перебравшись в Петербург, Иванов оказался в центре революционных событий, и его реакция, наиболее заметно вылившаяся в устроении регулярных собраний (знаменитая «башня»), зачастую вызывала раздражение у Мережковского и его сомышленников. Так, 20 октября 1905 г. Мережковский писал Л.Н. Вилькиной: «Все-таки был у Вячеславов. Там была отвратительная скука. <...> В такие дни — хамство русской интеллигенции непостижимо. Мне иногда кажется, что все мы провалимся так, что от русского просвещения ничего не останется»[50]. Конечно, этот отзыв был спровоцирован чтением «дурацкой повести» А.П. Каменского, но только отчасти. Вся немалая активность Иванова виделась Мережковскому в те дни лишь эстетической игрой, не учитывающей задач текущего дня. Много позднее, в воспоминаниях, З.Н. Гиппиус обмолвилась: «Новый эстетический круг этого писателя, поэта, ученого, горячего эллиниста, широкий, очень смешанный, казался нам — более всех прежних — смутно-беспорядочным»[51]. Особую неприязнь вызывал у Мережковских формировавшийся «мистический анархизм», в провозглашении которого Иванов солидаризировался с Г.И. Чулковым. Здесь не место подробно разбирать полемику вокруг этого течения в символизме[52], однако отметим, что ее резкость доходила временами до крайних пределов. И началом этой резкости послужил выпад Мережковского против Вяч. Иванова в его ставшей впоследствии знаменитой статье «Грядущий Хам»[53], суть которого как раз и сводилась к осуждению исторических и эстетических штудий «рядом с глубочайшей нравственной и общественной трагедией»[54]. Иванов был глубоко обижен публицистическим перехлестом недавнего соратника в литературном движении, написал ему (но, видимо, не отправил) письмо с обвинением в клевете.

1906

Дорогой Дм<итрий> Серг<еевич>

С горестным изумление и сердечною болью прочел я на стр. — Вашей книги [слова], относящиеся ко мне. Несколько дней уже не знаю, как преодолеть душевную смуту, и оттого пишу эти строки. Как? предо мною очевидная наличность преднамеренного и коварного оклеветания, очернения, дискредитирования? Но Вы не можете не знать, [насколько] велико мое уважение к Вашей личности и к Вашим святым в моих глазах исканиям, ко всем ореолам Вашего духовного величия. Очевидность эмпирическая не согласна с этою высокою уверенностью. Но не понимать меня в *такой* мере Вы не можете. Где дело шло о тончайших расхождениях, об интимнейших различиях внутреннего опыта, недопустима возможность столь грубого недоразумения. Вы не можете искренне смешивать меня, занятого исканием религиозным, с какими-то <?> «декадентами-оргиастами», если бы даже таковые существовали и была бы в самом деле группа, так себя определяющая. Вы не можете не знать — и когда-то опред<еленно> знали, что мое «Слово» не искаженный перепев ницшеанства, а попытка раскрыть Диониса как начало религиозное (о чем Ницше и не думал, — хотя, прибавлю кстати, и назвал себя однажды в период уже безумия и в почти бессознательной, но уже пророческой ассоциации христианских и родных своих антихристианских <?> представл<ений> «распятым Дионисом». Только в этом случайном и метафорическом для него восклицании и предвосхищает он мою концепцию эллинского, страдающего бога).

Как могли Вы впасть в такое искушение, написать эти недостойные Вас строки? И, окончательно обличая преднамеренность Вашего лжесвидетельства, подкреплять его (— невероятно! —) фальшивою несущест<вующею> цитатою из моих статей

«Рел<игия> Дио<ниса>» в В<опросах> Ж<изни> — и это после неоднократных предупрежд<ений> в эпоху написания статьи, что нигде подобного у меня не говорится — та<к> понимать <?> эти предупрежде<ния>[55].

Нет, Вы не можете не знать, что «оргиазм» — не канкан или кэкуск <так!>[56] московских трактиров [а ощущение связи экстаза мистического]. [Довольно я об этом говорил с Вами] Вы вправе исследовать критически и полемически содержание [этого] мистич<еского> оргиазма, но Вам нужно считаться с ним, Вы не убьете живой идеи передержками и затравливанием.

Пишу Вам все это, ища выхода из душевной смуты, из беспорядка противоречий и противочувств<ований>, скорбного недоумения и вместе очевидности Вашей глубокой [вражды] душ<евного> отчуждения. Я же не могу, как всегда, не почитать и не любить Вас во всей полноте этих слов.

Ваш весь <?> сердцем В.И.[57]

Весной 1906 г. анонсировалась статья Иванова «Мещанин и антихрист (о “Грядущем Хаме” Мережковского)»[58] и, наконец, летом 1906 г. появился печатный ответ в статье «О “факельщиках” и других именах собирательных»[59], прямо отвечающей на выступление Брюсова в тех же «Весах», но содержащей и решительную отповедь Мережковскому.

Такова внешняя канва отношений, предшествовавших письму Мережковского от 15/23 августа 1906 г. Но она заслуживает не только формального прослеживания, но и анализа глубинных разногласий, не сводимых к личным обидам и недоразумениям. Только на первый взгляд в уже упоминавшемся неотправленном письме к Мережковскому Иванов видит в выпаде первого прежде всего «очевидную наличность преднамеренного и коварного оклеветания, очернения, дискредитирования». Говоря о «недостойных Вас строках», Иванов сожалеет не столько о некорректном цитировании его «Религии Диониса», сколько именно о непонимании его концепции «страдающего бога» и его собственных религиозных исканий. В целом же, защищая дионисическую идею мистического экстаза как идею живую, эзотерическую, имеющую отношение к «интимнейшим различиям внутреннего опыта», Иванов очередной раз подчеркивает свое намерение «раскрыть Диониса как начало религиозное». Имплицитно же письмо свидетельствует о различиях духовного опыта и неспособности Мережковского подняться до высоты необходимого понимания проповедуемой им «Дионисовой идеи», о значении которой для современной души Иванов писал во введении к незаконченной трагедии «Ниобея», а также в письме 1905 г. к Н.Н. Вашкевичу[60].

Весной 1906 года Мережковский, с конца марта обитавший в Париже, на rue Théophile Gautier, публикует в «Весах» статью «Декадентство и общественность», где ставит вопрос о «двух половинах» правды жизни: «общности» и «индивидуализма», изобличает индивидуализм декадентский, лишенный чувства «связанности», и «стадную» общественность; называет декадентскую поэзию (к которой относит творчество Бальмонта и Блока) «полуискусством» и пророчествует о трансформации истинного индивидуализма в новое соединение людей[61]. В уже упоминавшейся статье «О “факельщиках” и других именах собирательных» Иванов упрекает Брюсова не только в его собственных оценках альманаха «Факелы», но и в публикации статьи Мережковского, называя ее «надругательством над “декадентами”» и искажением образов Блока и Бальмонта[62]. Отмечая художественный эклектизм «Факелов», он защищает их общественно-философскую платформу. Определяя ее как «устремление из *уединения к соборности*», Иванов как будто сближается с антидекадентской позицией Мережковского. На самом деле «декадентство» для него в ту пору — лишь «условная “ходячая” кличка», ибо, как он скажет в другом месте, индивидуализм «интимного декадентства» был в России недолгим и благодаря «культу вечности и всеединства»[63] был преодолен символизмом.

Символизм же, согласно Иванову, «по самой природе своей и в силу внутренней логики устремлен к соборности», и так как «полоса символизма пропитывается лучом соборности, она естественно окрашивается в мистический сверхиндивидуализм».

Заключительная часть статьи Иванова «О “факельщиках”...» содержит явные полемические ноты по отношению к выступлению Мережковского. Идея соборности, проповедуемая Ивановым, естественно окрашивая символизм, «логически обнимает и общественность». Однако, согласно его мысли, последняя не сводится к «политическому строительству» и не уничтожает свободы художника. «Все дело в художественном “как”, а не в общественном по своему содержанию или каком-либо ином “что”. Это “как” — область безграничной внутренней свободы и величайшей ответственности художника», — подчеркивал Иванов в своей статье.

Но, несмотря на это, Мережковские еще раз попробовали вовлечь Иванова в свое дело. Это был замышлявшийся сборник, так в итоге и не реализовавшийся, а превратившийся в изданную по-французски книгу «Царь и революция». Вот это письмо.

15-bis, Rue Theophile Gautier
Paris (XVI)
15/23 VIII 1906

Дорогой Вячеслав Иванович,

часто бывает, что люди в разлуке сближаются. Это и с нами случилось относительно Вас. Вы стали нам ближе издали, чем когда мы были в Петербурге. Мы все больше ценим Ваш дар и верим, что это дар от Бога, верим также, что Вы ищете и всегда будете искать только прекрасного и доброго. Это говорю Вам из глубины сердца. Между нами чувствуется если еще не любовь, то возможность любви, и этою возможностью не надо пренебрегать. Признаемся, что нас смущает Ваш союз с «мистическим анархизмом» или, вернее, с «мистическими анархистами» и что этот союз кажется нам недоразумением с обеих сторон, но, может быть, мы тут чего-либо не понимаем и, наконец, всякий ищет правды своими особыми путями. Во всяком случае, мы верим в Вас.

Кажется нам, что и Вы готовы бы пойти навстречу нам. Если это действительно так, то забудьте все наши сомнения относительно Вашего участия в нашем Сборнике («Меч» — Le Glaive), который мы скоро будем издавать, и пришлите нам какую-нибудь статью Вашу[64]. Выбор темы предоставляем Вам, но хотелось бы, чтобы она имела какое-либо отношение к современным великим событиям в России, к вопросу о «самодержавии» и «православии». Вы знаете, как этот вопрос для нас решается, и потому сами сумеете определить меру возможных для нас и желательных для Вас схождений с нами. Мы уверены, что Вы могли бы дать нам статью или заметку вполне подходящую и очень для нас ценную. Размер — не больше 1 или 1 1/2 печатного листа. Статей много, а Сборник надо сжать в книжку французскую за 3 fr. 50.

Если решите прислать, то присылайте *как можно скорее*. Приложите также Ваш портрет и краткую (для одной страницы печатной) биографич<ескую> и библиограф<ическую> заметку о себе. Мы хотим издать сборник с портретами и биографиями участников.

Ждем ответа и очень надеемся, что он будет утвердительный и заранее благодарим.

Не забывайте нас.

Искренно Ваш

Д. Мережковский[65].

Ответ Иванова не сохранился, но существенно, что он отказался от участия (как, впрочем, и другие потенциальные авторы). Более ни одного письма 1906–1907 гг. мы не знаем. Для нового сближения понадобилось возвращение Мережковских

из-за границы (лето 1908). И с этого момента инициатива в согласительных действиях эпистолярного свойства переходит уже к З.Н. Гиппиус. Именно она пишет Иванову то письмо, на которое он отвечал довольно редким для него развернутым посланием, повлекшим за собой некоторые общие предприятия и планы. Во-первых, Иванов был среди тех, кому Мережковские довольно настойчиво предложили быть сотрудником респектабельной «Русской мысли», куда их самих позвал ставший редактором журнала П.Б. Струве. Не все замышлявшееся было реализовано, однако п. 3 нашей публикации показывает, что они, как и во времена «Нового пути», увидели в нем будущего соратника. Но второе, и более важное дело, которое они реализовывали вместе, стало более удачным.

Еще весной 1907 г. в Петербурге возникло Религиозно-Философское общество, но по-настоящему его деятельность развернулась лишь осенью. С марта 1909 г. внутри общества была выделена особая «христианская секция», задуманная, по словам ее участницы, «как место подбора и единенья душевно-духовно схожих людей, стоящих на платформе «религиозной революции»»[66]. Е.К. Герцык вспоминала: «В эту зиму Вяч. Иванов стал деятельным участником религиозно-философского общества. Вместе с Мережковскими и группой священников основал в обществе "христианскую секцию". Собрания ее были тесней, интимней, — сюда шли только те, для кого Евангелие уже было бесспорной основой»[67]. Хроника создания секции восстановлена Г.В. Обатниным[68], но для нас особенно существенно отметить, что предшествовало ее образованию выяснение отношений между Ивановым и Мережковскими. Вероятно, большая часть этого выяснения проходила в устных беседах, и тем существеннее, что сохранилось одно принципиальное письмо (возможно, неотправленное), в котором Иванов объясняет свою позицию по отношению к церкви (п. 2 по нашей нумерации). В итоге Иванов, хотя и не сразу, стал председателем секции, а Мережковские и Философов принимали самое активное участие в ее работе, внешне соблюдая утонченную вежливость по отношению к прерогативам Иванова.

25 ноября 1908 г. Гиппиус пишет Иванову п. 1, в котором извещает его, что «...совокупность <...> дел, хлопот и бед лишила нас возможности просить нашего друга-врага прийти поговорить с нами, что было обещано». И тогда, в отсутствие Мережковских, уезжавших в Москву, Иванов пишет им (адресуясь одновременно и Д.В. Философову) развернутое письмо, цель которого — «проверить наличность» существующих согласий и разногласий, важных для «нашего общего дела» или идейной полемики. Иванову важно подчеркнуть, с одной стороны, связь «своего дела» с судьбами русского религиозного сознания, с другой − разногласия «по вопросу о методах действования». В основном же Иванов выражает в письме свою приверженность христианству и понимание христианских истин: веры в Христа-Сына, полагающей бытие «христианином», в силу которой всякое другое наименование является отречением, как и отказ от христианской догматики. Последняя, по Иванову, «адекватно выражает религиозную истину», хотя и не во всей ее полноте сразу, а, как скажет он чуть позже, «сообразно степени посвящен<ия> <...> в тайны царствия Божия и внутренней силы возрастающего в человеке Света и его приближения к Отцу»[69]. В споре с Мережковским, яростным критиком «исторической Церкви», Иванов разъясняет свое понимание единства Церкви, отделяя мистическую реальность как подлинное и сокровенное в ней, от внешних «земных оболочек, ее затемняющих». Само же прекращение общений с церковной жизнью («иконоборчество» Мережковского и его отчужденность от церковного культа) Иванов считает неправым. Полемизирует он с Мережковским и в вопросе о путях движения к общественности, «участия в общественном движении»[70]. Требуя здесь, в этой области «духа свободы», поэт смещает акценты и устанавливает иную, чем у Мережковского, иерархию ценностей. Первичным он считает личность и личное религиозное сознание («пробуждение мистической жизни личности»)[71], вторичным же и из первого вытекающим — «императив действования в целях соборности», предполагающий создание религиозной общественности «изнутри»,

из глубины личной религиозной жизни. Одним словом, Иванов отстаивает важность личного мистического опыта, постулируя его развитие как нужное для «осознания истины». Таким образом, он имплицитно оспаривает проповедуемую Мережковским и его группой идею церковности, говоря о свободно и органически возникающих мистических общинах «от Духа и от Его свободы», верных Имени Христа. В принципе поэт предвосхищает в этом письме ту полемику с Мережковским, которая будет вестись и в докладе «Евангельский смысл слова “земля”». Там Иванов уже прямо выразит свое несогласие с Мережковским относительно понимания «исторической Церкви» и Нового Завета, якобы лишенного «откровения о Земле», отстаивая важность обетов Евангелия и оспаривая идею Третьего Завета, столь существенную в утопии Мережковского[72]. Показательно, что в памяти мемуаристки разноречия Иванова и Мережковского выглядят как одна из причин несостоятельности христианской секции: «Как ни узок был кружок, единства в нем не было. Что могло быть общего между истерической демагогией Мережковского, осторожными батюшками и чересчур тонкой мыслью Вяч. Иванова? Каждый говорил свое. И со слушателями не образовывался контакт. Это было бесплодным делом, как и многие общественные начинания тех лет»[73].

В эти годы Мережковский нередко выступает против Иванова печатно. В его статьях содержатся разного рода выпады (часто даже с прямым называнием имени), свидетельствующие о значительных расхождениях как в оценке состояния современной России, так и в попытках определить ее будущий путь. При этом Мережковский не стесняется пускать в ход и открытую публицистическую иронию: «Кому же верить, Чехову или Вяч. Иванову? Чего желать России: фимел, орхестр — “Очагов свободы” — или отхожих мест? Мы еще не решили, колеблемся, идти ли на Восток, во имя реакции, требующей карательных экспедиций, или на Запад, во имя прогресса, требующего ватерклозетов, а тут вдруг — “фимелы и орхестры”. Ах шутники, шутники! С луны свалились, что ли? В России ли жили, знают ли, что такое Россия?»[74].

Иванов же предпочитает не задевать Мережковского печатно, хотя время от времени решительные разногласия проявляются в письмах к посторонним людям. Так, например, давая резкую отповедь исканиям Пимена Карпова, Иванов без особой внешней необходимости подчеркивает инакость своего отношения к проблеме «интеллигенция и народ», чем у Мережковского. Он отвечал своему корреспонденту, привыкшему осуждать «интеллигенцию» от имени «народа»: «Я не Д.С. Мережковский, который любит прислушиваться к таким показаниям, на которые Вы так щедры, толковать об “интеллигенции” (для меня это звук пустой) и о неопределенной величине, которую под словом “народ” можно вводить в разные уравнения, на место *x* или *y* — и т.д., и т.д.»[75]. Но все же контакты, несомненно, продолжались, и одним последним их следом в интересующую нас эпоху остается чрезвычайно показательный эпизод весны 1911 г.

30 марта 1911 г. один из близких друзей Мережковских А.В. Карташев обратился к Иванову с предложением: «Дорогой Вячеслав Иванович

Не покажется ли Вам благовременным мое желание, чтобы все мы, любящие Церковь и в то же время верящие в пророческое движение в ней [Мейер, Тернавцев, Вы, я, еп<ископ> Михаил — несчастный, Философов, Мережковские, Каблуков, Знаменский и несколько молчащих, но мудрых женщин − С.П. Ремизова, Т.Н. Гиппиус, Н.В. Власова], встретили эту Пасху в церкви вместе, а затем где-ниб<удь> на нейтральной почве (т.е. не в семье), напр<имер>, у меня в квартире в складчину (ради принципа) разговелись вместе, вложив в это разговенье пророческий смысл»[76].

Получив, видимо, согласие Иванова, Карташев извещал его неделею позже: «Положение теперь таково. Мейер отказался пойти в церковь *вместе* (Догадываюсь, что он тайно пойдет туда один). Но разговеться вместе согласен, хотя и не пылает жаждой. Мережковские не пойдут в церковь. По крайней мере, в этом году пойти не могут под давлением особых переживаний, налагающих на них, так сказ<ать>, обязательство выразить всю силу

своей верности "миру". Расходясь с ними в этих переживаниях, я не без ударения тяну к церкви, будучи вообще всегда (даже и в удалениях своих) верен ей, равно как и "миру", для выражения любви к которому у меня нет особой сложной символики. Но они согласны прийти ко мне на символические разговенье, ибо признают меня, пришедшего из церкви, как и я их, не ходивших. Так же мы взаимно относимся и к Мейеру. <...>

Эту встречу пасхи я бы считал знаком взаимного обязательства твердо стать на реальном теле церкви. Хотя и в пророческом дерзновении. Словом, нужно это взять только с взаимным признанием друг в друге принадлежности к церкви. Если этой уверенности нет, лучше ничего не делать. Я, по крайней мере, человек реальный и простой»[77].

С этими суждениями совершенно явно связано письмо Гиппиус к Иванову (п. 6), где она пытается объяснить свою (и всего триумвирата) позицию, говоря о том, что для них существует «невозможность внутренняя *сейчас* совершать Т<аинства> в Пр<авославной> Ц<еркви>», о духовных исканиях и духовном «голоде», о характерных для Мережковских поисках «кружковых», «интимных» отношений (прежде всего — с людьми, подающими «знак»), о новых формах религиозного общения, требующих «личного доверия и терпимости», якобы ими открываемых. В сущности, следуя за суждениями Гиппиус, что за этим стоит «не отречение, а любовное утверждение и надежда...» и внимая ее просьбам-умолениям, обращенным к Иванову («...и мы тут просим, умоляем вас о доверии, о принятии нас пока хоть вслепую, что ли, с допущением, что, *может быть*, мы и не ошибаемся, как мы допускаем, что, *может быть*, и вы не ошибаетесь»), невольно задаешься вопросом, в какой мере был прав Бердяев, писавший Гиппиус еще 27 марта 1906 г.: «Мне иногда кажется, что Вы отрицаете индивидуальное призвание и всем навязываете одну задачу. <...> Вы склонны думать, что только ваш союз — церковный, что только от вас образуется церковь, новая и вечная <...> Вы <...> мученики великого религиозного процесса, все еще искатели, мятежные души, <...> но вы еще не можете быть спасителями, не сошел еще Дух Утолитель»[78].

Несомненно, что относятся эти слова не только к Гиппиус, но ко всем троим, так же, как и переписка Иванова с Мережковским свидетельствует не об индивидуальных интересах, но о влечениях и отталкиваниях целых вполне репрезентативных групп русского общества. И этим письма ценны, помимо своих весьма существенных частностей.

Впоследствии отношения Иванова с Мережковскими становятся все более далекими[79], и показательно, как редко имя Иванова встречается на страницах мемуаров З.Н. Гиппиус[80]. Практически отсутствует оно и в опубликованных Темирой Пахмусс ее письмах (хотя преимущественно и относящихся к более позднему времени)[81]. Только во время визитов в Рим Мережковские встречаются и беседуют с Ивановым, обнаруживая неожиданные черты сходства[82]. К этому времени относится письмо-поздравление Иванова, направленное Мережковскому в честь его семидесятилетия[83]. Мало того, Гиппиус даже написала специальный очерк об Иванове[84], — однако все это уже явно находится за пределами нашей темы, сводящейся к попытке представить в кратком очерке взаимоотношения Иванова и Мережковских в свете их сохранившихся писем[85].

Публикуемые письма хранятся: НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 16. Ед. хр. 21 (письма Гиппиус); и Карт. 10. Ед. хр. 18 (письмо Иванова). Письмо 2 ранее публиковалось: *Мережковский — Иванов.* S. 85–87; письмо 3 — Богомолов Н.А. От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 288.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О публикациях фрагментов переписки с Гиппиус см. ниже; переписка Иванова с Мережковским опубликована: *Мережковский — Иванов* (некоторые фрагменты вступительной статьи использованы в данном предисловии). Оставшееся в черновике письмо Иванова к Мережковскому:

Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб.: Академический проект, 1994. С. 161−164 (его текст см. ниже). Фрагмент еще одного письма Иванова: *Богомолов 2009*. С. 32.

[2] В самом общем плане история отношений Иванова и Мережковского рассматривается в работе: *Rosenthal B.G.* From Decadence to Religion. Ivanov and Merežkovskij // Cultura e memoria: Atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a Vjačeslav Ivanov. I. Testi in italiano, francese, inglese / A cura di Fausto Malcovati. [Firenze, 1988]. P. 141–150 (перепечатано с исправлениями и дополнениями: Slavic and East European Art. 1990. Vol. 6. № 2). Мы, однако, не можем согласиться с постановкой вопроса относительно эволюции Иванова от декадентства к религии и вообще его причастности к декадентству. См. также статью, указанную в примеч. 1.

[3] Эту переписку, равно как и переписку Мережковского с Ивановым, можно считать той частью «символистской или околосимволистской критики», которая является, быть может, «не самым корректным метаязыком» для научного описания символизма и требует внешней по отношению к нему точки зрения (ср.: *Минц З.Г.* К эволюции русского символизма (К постановке вопроса и тезисы) // Блоковский сборник. VII: А. Блок и основные тенденции развития литературы начала XX века / Ученые записки Тартуского гос. университета. Тарту, 1986. Вып. 735. С. 7), но в то же время предстает как важное и необходимое звено в описании внутренней истории направления.

[4] Об этом см. в нашей книге (*Богомолов 2009*. С. 22), а также в подробной статье: *Басаргина Е.Ю.* Вячеслав Иванов — соискатель Пушкинской премии // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы / отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. Вып. 1. С. 430−447.

[5] См.: *Богомолов 2009*. С. 14−18; *Богомолов Н.А.* В книжном углу — 4. 1. Pro domo mea // *НЛО*. 2011. № 109. С. 358−360.

[6] Вячеслав Иванов и Лидия Зиновьева-Аннибал. Переписка 1894−1903. М.: Новое литературное обозрение, 2009. Т. 2. С. 463−464, 472.

[7] *Богомолов 2009*. С. 18.

[8] Переписка Вяч. Иванова с А.В. Гольштейн / Публ., вступ. статья и коммент. М. Вахтеля и О.А. Кузнецовой // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1996. Т. 41. С. 369.

[9] *Богомолов*. С. 24–25.

[10] Там же. С. 26.

[11] Там же. С. 45.

[12] Там же. С. 32.

[13] Работа Мережковского о Гоголе — «Судьба Гоголя», печатавшаяся в первых трех номерах *НП*. О цензурных преследованиях *НП* см.: *Цехновицер О*. Символизм и царская цензура // Ученые записки Ленинградского гос. университета. 1941. Серия филологических наук. № 76. Вып. 11. С. 275−319. Об отношении цензуры к журналу вспоминала З.Н. Гиппиус: «Положение журнала было исключительно трудное: каждая книга подлежала двойной цензурной трепке; сначала шла к обыкновенному цензору, а потом в Лавру, к духовному. Была у нас и третья цензура, неофициальная, интеллигентская; по тем временам если эстетика и начинала кое-как завоевывать право на существование, то религия без разбирательства была осуждена; и нас записали в реакционеры» (*Живые лица*. С. 336).

[14] Рецензия В.Я. Брюсова на книгу стихов Иванова «Кормчие звезды» (СПб., 1903) опубликована: *НП*. 1903, № 3. С. 212−214. Перепечатана: *Брюсов В*. Среди стихов: Манифесты, статьи, рецензии. М.: Сов. писатель, 1990. С. 74−75.

[15] Большая работа Иванова «Эллинская религия страдающего бога», основой которой явились его парижские лекции, печаталась в *НП* в 1904 г. (№ 1−4, 8). «Афоризмы» в журнале не появлялись.

[16] Возможно — отсылка к стихотворению Гиппиус «Соблазн» (1900): «Но есть соблазн... соблазн уединенья... Его доныне я не победил» (впервые — *МИ*. 1901. № 5).

[17] Статья К.Д. Бальмонта — «Некрасов» (*НП*. 1903. № 3. С. 41−47). В заметке 1924 г. М.А. Волошин вспоминал: «Статье Бальмонта о Некрасове, написанной им года 2 спустя, предшествовали несколько наших бесед о Некрасове, во время которых мы с восторгом цитировали друг другу любимые стихи Некрасова, и помнится, что он впервые от меня узнал стихотворение "Вчерашний день, часу в шестом", в те годы еще [не] входившее в собрание стихотворений» (Чукоккала:

Рукописный альманах Корнея Чуковского. М.: Искусство, 1979. С. 316). Об отношении к Некрасову Иванова см. его ответы на анкеты Чуковского 1919 г. (Там же. С. 251−252).

[18] Вероятно, Иванов предлагал Мережковскому осуществить в *НП* нечто вроде того плана, о котором 18/5 февраля 1903 г. он писал А.В. Гольштейн: «Вот мы <Иванов и Зиновьева-Аннибал> и напали на мысль издавать последовательные выпуски наших сочинений под общим заглавием. Содержание первого выпуска составили бы первые главы “Пламенников”, моя трагедия (первая в трилогии) “Тантал”, моя статья о лирической поэзии и афоризмы. Со второго выпуска, посвященного прежде всего продолжению “Пламенников”, я бы начал статьи о религии страдающего бога у греков» (Переписка Вяч. Иванова с А.В. Гольштейн / Публ., вступит. статья и коммент. М. Вахтеля и О.А. Кузнецовой // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1996. Т. 41. С. 367−368; то же: «Обнимаю Вас и матерински благословляю...»: Переписка Вячеслава Иванова и Лидии Зиновьевой-Аннибал с Александрой Васильевной Гольштейн / Публ., подгот. текста, предисл. и примеч. А.Н. Тюрина и А.А. Городницкой // Новый мир. 1997. № 6. С. 181). Тот же план изложен в письме Иванова к М.М. Замятниной, хлопотавшей об издании «Пламенников» в Петербурге и в Москве, от 7 марта 1903 г. (*Богомолов 2009*. С. 33).

[19] Прозор — имеется в виду гр. Маврикий Эдуардович Прозор (1849−1928), российский генеральный консул в Вене и Женеве и одновременно писатель (на французском языке), переводчик сочинений Мережковского.

[20] *Мережковский — Иванов.* S. 81.

[21] Мережковский использует эту же формулировку в своем романе «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)»: Макиавелли помечает свою депешу «cito, citissime <sic>, celerrime» (*Мережковский Д.С.* Полное собрание сочинений. Т. III. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина. 1914. С. 112), но ее исторический источник неизвестен.

[22] См., напр.: *Соловьев С.М.* Сочинения. Т. 18. М., 1995. С. 131, 152. Мережковский также использовал эту формулировку в своем романе «Антихрист (Петр и Алексей)»: *Мережковский Д.С.* Полное собрание сочинений. Т. IV. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина. 1914. С. 122.

[23] В февральском номере *НП* под общим заглавием «Из книги “Прозрачность”» напечатаны стихотворения Иванова: I. Хмель («Не извечно, верь, из чаш сафирных...»); II. Седьмой день («Мира день шестой — тогда и ныне...»); III. Пан и Психея («Я видел лилею в глухих лесах...»); IV. Дриады («О души дремные безропотных дерев...») (С. 79–83). Одно из отвергнутых — «Лето Господне» («Милые братия!..»), в котором есть строки «Сине расцвечены / Горные сткла. / День — за просвеченной / Сткла светозрачнее — / Острой горой»; второе нам неизвестно.

[24] В мартовском номере журнала напечатаны пять стихотворений Ф. Сологуба (С. 85−90).

[25] Просьба эта осталась неисполненной: Иванов печатал в *НП* лишь стихи и «Эллинскую религию»; Зиновьева-Аннибал — прозаический фрагмент.

[26] Отзыв этот содержался в утраченном письме и остался нам неизвестен.

[27] *Мережковский — Иванов.* S. 82−84. К этим письмам следует прибавить еще письма З.А. Венгеровой к Иванову от второй половины июня 1903 г., где она передает просьбу Гиппиус ускорить присылку «Эллинской религии…», и от 21 ноября того же года (*Богомолов 2009*. С. 87−88).

[28] Ср.: *Бердяев Н.* Философия творчества, культуры и искусства М.: Искусство, 1994. Т. 2. С. 388 и др.

[29] *Белый Андрей*. Интеллигенция и церковь (По поводу доклада В.А. Тернавцева, читанного на первом заседании Религиозно-философского общества) / Публ. А.В. Лаврова // Studia Rossica Hungarica. Budapest. 1988. Т. XXXIV. С. 226.

[30] *Бердяев Н.* Новое религиозное сознание и общественность. СПб., 1907. С. 203.

[31] Там же. С. 209.

[32] *Бердяев Н.* О новом религиозном сознании (Д. Мережковский) // *ВЖ*. 1905. № 9. С. 158.

[33] См.: *Иванов В.* Эллинская религия страдающего бога // *НП*. 1904. № 2. С. 58−59.

[34] *Бердяев Н.* Новое религиозное сознание и общественность. С. XI.

[35] Переписка Вяч. Иванова с С.А. Венгеровым / Публ. О.А. Кузнецовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб.: Академический проект, 1993. С. 84.

[36] См.: «...христианство, каким оно было в первую пору, понятно только при допущении некоторого *оргиастического состояния* души, перед которым внезапно весь мир явился новым, дотоле

нечаемым, потому что внутренне изменился он сам, явился как небо на земле» (*Иванов В*. Эллинская религия страдающего бога. Корректурный экземпляр книги. С. 216–217 (Римский архив Вяч. Иванова. Оп. II. Карт. 43. Папка 8. За предоставление фотокопии приносим благодарность Д.В. Иванову).

[37] Там же. С. 221. Ср. также: *Иванов В.* Дионис и прадионисийство. Баку: 2-я Гос. тип., 1923. С. 181–182.

[38] *Иванов Вяч*. Письмо к Александру Пеллегрини о “Docta pietas” // *Иванов*. Т. III. С. 443.

[39] *Иванов*. Т. III. С. 445.

[40] Там же. С. 449.

[41] Там же. С. 375.

[42] Там же. С. 435.

[43] *Мережковский Д.С.* Тайна трех. Прага: Пламя, 1925. С. 21.

[44] *Иванов*. Т. III. С. 632.

[45] Там же. С. 388.

[46] *Богомолов 2009*. С. 105–106. Миква — В.В. Розанов.

[47] *Зиновьева-Аннибал Л.Д.* Из дневника 1904 и 1906 гг. / Публ. А. Шишкина // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. М.; СПб.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 789.

[48] *Богомолов*. С. 115–198.

[49] *Мережковский Д.* Полное собрание сочинений. Т. XXII. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина. 1914. С. 113.

[50] Письма Д.С. Мережковского к Л.Н. Вилькиной / Публ. В.Н. Быстрова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1991 год. СПб.: Академический проект, 1994. С. 229. Речь идет о «среде» 2 ноября, где читался знаменитый впоследствии рассказ (или небольшая повесть) А.П. Каменского «Четыре».

[51] *Гиппиус З.Н.* Собрание сочинений. Т. 13 / Сост., подгот. текста, коммент., ук. имен А.Н. Николюкина и Т.Ф. Прокопова. М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2012. С. 507.

[52] Наиболее подробное изложение теории мистического анархизма см. в предисловии А.В. Лаврова к публикации переписки Блока с Чулковым (*ЛН*. М., 1984. Т. 92, кн. 4. С. 374−376). Ср. также: *Обатнин Г.В.* Неопубликованные материалы Вяч. Иванова: По поводу полемики о «мистическом анархизме» // Лица: Биографический альманах. М.; СПб.: Феникс: Atheneum, 1993. Кн. 3. С. 466–477.

[53] Впервые: Полярная звезда. 1905. 30 декабря. № 30. С. 185–192.

[54] *Мережковский Д.* Полное собрание сочинений. Т. XIV. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина. 1914. С. 35.

[55] Имеется в виду следующий фрагмент статьи: «Не успел еще скрыться Пляши-Нога, как поклонники нового Диониса запели: “Выше поднимайте ваши дифирамбические ноги!”» (Вячеслав Иванов, “Религия Диониса”, в “Вопросах жизни”)» (Там же. С. 35). В «Вопросах жизни» действительно печатались статьи Иванова «Религия Диониса: ее происхождение и влияния» (1905. № 6) и «Религия Диониса» (1905. № 7), но подобной фразы в них нет.

[56] Явно должно читаться «кэкуок» (популярный танец того времени).

[57] *Иванов Вяч.* Доклад «Евангельский смысл слова “Земля”». Письма. Автобиография (1926) / Публ., вступит. статья и коммент. Г.В. Обатнина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб.: Академический проект, 1994. С. 161−162.

[58] Статья предполагалась к печати в киевской газете «Народ», см..: *Колеров 1996*. С. 350.

[59] Весы. 1906. № 6. С. 52–55.

[60] Полностью письмо опубликовано в составе статьи: *Галанина Ю.Е.* Из истории первого символистского спектакля в России (Вяч. Иванов и Н. Вашкевич) // От Кибирова до Пушкина: Сб. в честь 60-летия Н.А. Богомолова. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 73−74. О «дионисийской идее» как о «слове, разрешающем нужды современности» в связи с трагедией «Ниобея» см.: *Cymborska-Leboda M*. Twórczość w kręgu mitu. Lublin. 1997. S. 251.

[61] *Мережковский Д.С.* Декадентство и общественность // Весы. 1906. № 5. С. 34–35.

[62] *Иванов Вяч*. О «факельщиках» и других именах собирательных // Весы. 1906. № 6. С. 53. Далее цитаты из статьи приводятся по названному источнику.

[63] *Иванов Вяч*. По звездам. СПб.: Оры, 1909. С. 242–243.

[64] Характерно, что на раннем этапе подготовки будущего (так и не вышедшего) сборника «Меч» Гиппиус выражала явное неудовольствие тем, что об этих планах узнал Иванов, ср. в ее письме к С.П. Ремизовой-Довгелло от декабря 1905 г.: «А.М. <Ремизову> попеняйте, что он такой болтушка, рассказал всем о нашем проекте “Меча”, уж и Вяч. Иванов знает, наверно, значит, и Чулков, и т.д. Ай-ай-ай! Учите его, А.М-ча, хранить наши тайны» (*Lampl H.* Zinaida Hippius an S.P. Remizova-Dovgello // Wiener slawistischer Almanach. Bd. 1. 1978. S. 165).

[65] *Мережковский — Иванов.* S. 84–85.

[66] *Шагинян М.* Человек и время. М.: Советский писатель, 1980. С. 395.

[67] *Герцык Е.* Воспоминания. М.: Московский рабочий, 1996. С. 130. К этой эпохе интенсивных отношений Иванова с Мережковскими относится знаменательный разговор о них, зафиксированный в дневнике С.П. Каблукова 5 июня 1909 г.: «Надо записать еще то, что рассказал Вяч. Иванов о З.Н. Мережковской. Оказывается, что она страдает чахоткой, развивающейся очень медленно. Она знает это и живет след<овательно> в постоянном ожидании смерти. Во-вторых, она — по-видимому (законная) жена Д. С., на самом деле — девушка, ибо никогда не могла отдаться мужчине, как бы ни любила его. В ее жизни были любовные увлечения, напр<имер> известным Флексером (А.Л. Волынским), с которым она одно время даже жила вместе в “Пале-Рояле”, но эти увлечения не доходили до “падения”. И в этом для нее — драма, ибо она женщина нежная и страстная, мать по призванию. Говорят, что у нее есть интимный дневник, который будет напечатан после ее смерти. С Мережковским ее союз — чисто духовный теперь, как и с Дм. Философовым. Все трое они живут как аскеты и все намеки на “ménage à trois” — гнусная выдумка. По мнению Вяч. Ивановича З.Н. гораздо талантливее Мережковского как поэтесса и автор художественной прозы. Она принадлежит к классическим поэтам, т.н. поэтам minores, как, напр., Кату<лл> и Проперций в Риме, Баратынский у нас и др. Она была творцом Религиозно-философского об<щест>ва; многие идеи, характерные для Мережковского, зародились в уме З. Ник., Д.С. принадлежит только их развитие и разъяснение. Зин. Николаевна очень тяготится тем, что она женщина, поэтому она подписывается часто мужскими псевдонимами — напр., “Антон Крайний”, “Лев Пущин” и в стихах и рассказах от своего лица говорит всегда в мужском роде. Я спросил Иванова, не имеет ли себе возмещение в лесбосских склонностях это отвращение Зин. Ник. к мужским ласкам. Он ответил незнанием, хотя признался, что также думает и сам. Но прибавил, что теперь к этим аномалиям она относится с отвращением, весьма ригористично. Мистического опыта в ней также несравненно более, чем у ее мужа» (Дневник Сергея Платоновича Каблукова. Год 1909-й / Вступит. статья, публ. и коммент. Е.М. Криволаповой // Литературоведческий журнал. 2012. № 31. С. 231).

[68] *Иванов Вяч.* Доклад «Евангельский смысл слова “Земля”». Письма. Автобиография (1926). С. 142. Характерно, что автор цитировал отрывок из п. 2, понимая его важность и роль в реализации практического дела (Там же. С. 144).

[69] Там же. С. 147.

[70] Небезынтересно в связи с этим указать на более поздние варианты ответа Иванова на этот вопрос, где схеме Мережковского «действие — созерцание» противостоит оппозиция «творческое действие — становление», а статус «действия», акта сохранен за мыслью, сознанием: «Революци<ионные> эпохи суть эпохи наименьшего творческого действия и наиболее стремительного *становления*. <...> В такие эпохи всеобщего расплава или распада <...> важны особенно наши мысли. Каждая мысль, каждое волеустремление – акт, действие» (*Обатнин Г.В.* Из материалов Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. С. 44–45). Ср. также его положение о том, что в «истинном гуманизме» «...ценности присущи сфере бытия, т.е. находятся вне и выше сферы становления» (*Иванов*. Т. III. С. 441).

[71] Ср. в письме Бердяева к З.Н. Гиппиус от 27 марта 1906 г.: «Не могу с легким сердцем обрекать человеческую личность на гибель, на небытие, и потому должен признать многообразие путей спасения личности. Неужели Вяч. Иванов, милый, добрый, необыкновенно культурный, но путанная голова, погиб, потому что не входит в церковь, как вы ее понимаете? Тут что-то не так. <...> Образование церкви в истории должно идти от личности, утверждающей себя со всеми своими ценностями, и должно быть процессом органическим, а не механическим...» (Письма Николая Бердяева / Публ. и вступит. статья В. Аллоя // Минувшее: Исторический альманах. [Т.] 9. М.: Открытое общество; Феникс, 1992. С. 298).

[72] Ср.: «...о Третьем Завете говорить мы не вправе» (*Иванов Вяч.* Доклад «Евангельский смысл слова “Земля”». Письма. Автобиография (1926). С. 147). Об идее Третьего Завета у Мережковского см.: *Sironneau J.P.* La pensée de Joachim de Flore et ses dérivations historiques // Iris. 1988. №. 5. P. 81–85.

[73] *Герцык Е.* Воспоминания. С. 130–131.

[74] *Мережковский Д.С.* В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М.: Советский писатель, 1991. С. 51.

[75] Письмо Вячеслава Иванова к Пимену Карпову / Публ. Н. Котрелева // Русская мысль. Литературное приложение № 9 к № 3822 от 6 апреля 1990. С. XI.

[76] НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 27. Ед. хр. 20. Л. 1. Квадратные скобки принадлежат автору письма. Из перечисленных имен в комментарии нуждаются, вероятно, лишь Нина (в действительности Антонина) Викторовна Власова, одно из важных действующих лиц в общине «голгофских» христиан (см. о ней: *Шагинян М.* Человек и время. М.: Советский писатель, 1980. С. 000; *Воронцова И.В.* Антон Владимирович Карташев как религиозный реформатор (1903–1910-е гг.) // Диалог со временем. 2020. Вып. 70. С. 109) и Дмитрий Владимирович Знаменский, казначей Религиозно-философского общества, служивший в Министерстве финансов.

[77] НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 27. Ед. хр. 20. Л. 3–4.

[78] Письма Николая Бердяева / Публ. и вступит. статья В. Аллоя // Минувшее: Исторический альманах. [Т.] 9. М.: Открытое общество; Феникс, 1992. С. 299, 298.

[79] Следует, впрочем, отметить статью Иванова «Мимо жизни», направленную против Мережковского, с ее резкой кодой: «Да, Мережковский — мучительная для бывших его друзей загадка. Как явно в нем напряженное стремление схватить самое жизненное в жизни, самое сердцевину жизни, как явно его желание пожертвовать всем <…> всем — ради единого на потребу, — и как явно в то же время, что это жизненное ему не дается, что он идет мимо жизни, что его слово ничего не изменяет в существующих соотношениях общественных и духовных сил, что эта река, обещавшая некогда подводными струями пролиться по жаждущим нашим пажитям и торжественно втечь в некое светлое озеро-море, из волн которого звучат звоны Града, впадает после многих излучин скудным притоком в пообмелевшую реку нашего старого радикального народничества» (*Иванов Вяч.* Родное и вселенское. М.: Изд. Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1917. С. 81–82).

[80] Перечень см.: *Davidson Pamela*. Viacheslav Ivanov: A Reference Guide. N.Y, e.a., [1996]. P. 68.

[81] *Intellect and Ideas* (по указателю).

[82] См., напр., в письме к В.А. Злобину от 11 сентября 1937 г.: «Я достойна не одного, а нескольких детективов. Вячеслав Ив., оказывается, тоже их обожает: взял жадно у нас отработанных» (*Intellect and Ideas.* P. 306).

[83] Опубликовано по копии из Римского архива Иванова: *Климов А*. Вячеслав Иванов в Италии (1924–1939) // Русская литература в эмиграции: Сб. статей / Под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург, 1972. С. 160.

[84] *Гиппиус З.Н.* Поэт и Тарпейская скала: О Вяч. Ив. Иванове // Иллюстрированная Россия. (Париж). 1938. 1 января. № 2 (60). С. 2−3 (перепеч.: *Иванова Л.* Воспоминания: Книга об отце. [Paris, 1990]. С. 371−373.

[85] История взаимоотношений корреспондентов позднейшего периода отчасти прослеживается в материалах Римского архива Вяч. Иванова, см. письма З.Н. Гиппиус к Вяч. Иванову (с вложением ее стихотворений): Исследовательский центр Вячеслава Иванова в Риме. Оп. 5. Карт. 2. №№ 18–19 (http://www.v-ivanov.it/arhiv/opis_5/), а также в публикациях: Письмо Зинаиды Гиппиус к Вяч. Иванову о смерти Дмитрия Мережковского / Вступит. статья, подгот. текста и примеч. Е.В. Глуховой // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 2 / Отв. ред. Н.Ю. Грякалова и А.Б. Шишкин. СПб.: РХГА, 2016. С. 481–496; *Шишкин А.Б.* Неопубликованное письмо З.Н. Гиппиус к Д.В. Иванову // Пути искусства: символизм и европейская культура в XX веке. Материалы конференции: Иерусалим, 2003 / Сост. Д.М. Сегал, Н.М. Сегал (Рудник). М.: Водолей, 2008. С. 317–321.

1. Гиппиус — Иванову

25 ноября 1908 г. Петербург

СПб.
Литейный 24
25.11.08

Глубокоуважаемый
Вячеслав Иванович.

С большой радостью пришли бы мы к вам[1], но, к сожалению, завтра (в среду) мы все уезжаем вечером в Москву, где Дм. Серг. читает на другой день лекцию (а после него и Дм. Вл.)[2].

Эту неделю мы так поглощены были спешным устройством сегодняшнего Рел<игиозно>-Ф<илософского> собрания[3], что лекция Дм. Вл-ча даже еще и не окончена. Кроме собрания, у Д.С. и Дм. Вл. были хлопоты довольно прозаические, но серьезные: старались освободить свои новые книги, которые напечатаны, но выйти не могут, так как издатель объявлен несостоятельным[4].

Старания не увенчались успехом, и Д.С. лишился права издания не только новой книги, но и почти всех прежних, — вероятно, лет на 5.

Только совокупность всех этих дел, хлопот и бед лишила нас возможности просить нашего друга-врага прийти поговорить с нами, что было обещано[5].

Надеюсь, что по возвращении нашем из Москвы мы очень скоро с вами увидимся.

Искренно преданная вам

З. Гиппиус.

[1] Приглашение Иванова нам неизвестно, но очевидно, что оно относилось ко второй «среде» из череды возобновленных осенью 1908 г. История встреч на «башне» Иванова написана только применительно к сезону 1905−1906 гг. (см.: *Богомолов 2009.* С. 115−198). В сезоне 1906−1907 гг. встречи были значительно более редкими (а с началом 1907 г. и вообще практически прекратились) и гораздо менее значимы для истории культуры, чем встречи первого сезона. Лето 1907 г. Ивановы провели в деревне, откуда не хотели возвращаться до поздней осени. 17 октября скоропостижно умерла Л.Д. Зиновьева-Аннибал, что само по себе уничтожило какие бы то ни было возможности продолжения «сред» в прежнем виде. Однако осенью 1908 г. они все же возобновились. В роли хозяйки теперь выступала В.К. Шварсалон, круг приглашенных был значительно более узким, а сами встречи устраивались гораздо реже. Упоминаемая «среда» должна была пройти в ночь с 26 на 27 ноября. Ее краткое описание и список присутствующих см.: *Богомолов Н.А.* Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. М.: Intrada, 2010. С. 69−73.

[2] Лекция Д.С. Мережковского «Лермонтов» (соответствующий очерк под заглавием «Поэт сверхчеловечества» впервые опубликован: *РМ*. 1909. № 3. Отд. II. С. 1−32) состоялась 27 ноября 1908 г. в московском Политехническом музее. В прениях выступал Андрей Белый (см.: *Белый. Между двух революций*. С. 524 (комментарий А.В. Лаврова). В дальнейшем Мережковские и Философов приняли участие в совместном заседании Московского и Петербургского *РФО*, посвященном юбилею Лермонтова (состоялось 5 декабря), и совместном закрытом заседании с докладом Мережковского «Борьба за догмат» (6 декабря). См.: *Кейдан В.* Путь, что на карты не попал: Письма русских философов 1911−1914 // Archivio italo-russo / A cura di Daniela Rizzi e Andrej Shishkin. Trento, 1997. P. 163 (или в его книге: Взыскующие Града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках / Сост., подгот. текста, вступит. статья и коммент. В.И. Кейдана. М., 1997. С. 180−184). Там же, в тексте письма С.Н. Булгакова к А.С. Глинке, передаются различные подробности пребывания Мережковских в Москве.

[3] В закрытом заседании петербургского *РФО* (Гиппиус называет его «собраниями» по аналогии с давно уже не существовавшими Религиозно-философскими собраниями), состоявшемся 25 ноября, проходили прения по поводу доклада А.А. Блока «Россия и интеллигенция», состоявшегося на предыдущем заседании 13 ноября; кроме того, на нем обсуждался также прозвучавший 13 ноября доклад Г.А. Баронова и читался доклад В.В. Розанова «О народобожии». Несколько подробнее см.: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах. М., 2009. Т. 1. 1907–1909. С. 649. И Мережковский, и Иванов выступали в прениях (см.: *Иванов Вяч.* По звездам. Опыты философские, эстетические и критические. Примечания / Отв. ред. К.А. Кумпан. СПб.: Пушкинский Дом, 2018. С. 400–401).

[4] Речь идет о неприятностях, связанных с издательством М.В. Пирожкова, где выходило большинство книг Мережковского того времени. См.: *Эльзон М.Д.* Издательство М.В. Пирожкова // Книга: Исследования и материалы. Сб. LIV. М.: Наука, 1986. С. 159–185. Следует заметить, что у Философова собственных книг под этой маркой не выходило — может быть, речь идет об изданной Пирожковым их общей с Мережковскими драме «Маков цвет» (СПб., 1908).

[5] Личная встреча была заменена письмом Иванова к Мережковским и Философову (см. п. 2).

2. Иванов — Мережковским и Д.В. Философову

28 ноября 1908 г. Петербург

28.XI. 08

Глубокоуважаемый

Димитрий Сергеевич,

Пишу Вам — и вместе Зинаиде Николаевне и Димитрию Владимировичу — это обстоятельное письмо для того, чтобы выяснить и проверить наличность согласий и разногласий, в настоящее время между нами существующих. Выяснение это представляется мне желательным по разным причинам: не только для самопроверки, но только для более точного определения наших личных отношений, — но, главным образом, для целей общего дела[1]. Говорю об *общем* деле, потому что с судьбами русского религиозного сознания считаю связанным и свое дело. Итак, мне хотелось бы объясниться настолько, чтобы ясно знать, в чем существует единение и в чем разделение. Единение во взглядах и чаяниях повелительно может предписать общение в действии; разделение, выясненное и определенное, сделает возможную между нами борьбу более сознательной и целесообразной.

Я противополагал, в случайных между нами беседах, наше, для меня чувствительное, совпадение в области *достижений* личного религиозного сознания с одной стороны, с другой — разногласие по вопросу о *методах* действования, вытекающего из этих достижений. Так ли это, однако?

Я — христианин; полагаю, что и вы также христиане, несмотря на смущающее меня и отделяющее от вас притязание ваше на право называть себя иначе[2]. Кто верит в Христа-Сына, воскресшего из мертвых Иисуса, и любит Его, — тот должен называть себя непременно христианином, другое наименование было бы отречением.

Далее, всю догматику церковную я нахожу адэкватно выражающей религиозную истину; но знаю также, что эта догматика не выражает *всей* истины в ее полноте. Не слишком много в церкви догматов; а, напротив, недостаточно: мно-

гое прежде скрыто или не раскрылось еще. «Символ веры» нормативен для внутренних откровений личной мистической жизни. По крайней мере, я конфликта не испытал. Здесь, быть может, мы согласны... Впрочем, возможно предположить вопрос: «А если бы конфликт представился, — разумею конфликт между своим постижением истины и церковною догматикой, — что́ тогда?» Я бы все же не покинул пути своей свободы, ибо свободным остаюсь я, подчиняясь учительству, и разделяю догматы только потому, что вижу их содержание как очевидность; я бы строго испытал себя, и лучше стал бы еретиком, чем солгал, исповедав, что приемлю то, чего внутренне не приемлю.

Верю в Церковь как мистическую реальность и в ее Таинства как мистическую реальность (из чего вытекает признание духовного иерархизма), — почему сознаю себя, как и *вас*, разделяющих церковное вероучение и видящих в Таинствах Церкви мистическую реальность, — находящимися в *лоне* Церкви. Относясь в очень и очень многом отрицательно к человеческой организации церковной мистической реальности, я расхожусь с вами, быть может, в том, что, тем не менее, неправым считаю прекращение общения с церковною жизнью, с обрядом и Таинством: всюду и безразлично приемлю мистическую реальность, где нахожу ее, — но только ее одну, — не смущаясь земными оболочками, ее затемняющими. Причастие, и переданное рукою убийцы, приемлю. Таинство священства — и связанную с ним тайну иерархии — утверждаю шире и глубже, чем нахожу это в церковном вероучении.

Императив соборного действия признаю вытекающим из религиозного сознания. Героический принцип считаю основным в христианской идее (в противоположность буддизму), ясно знаю, что героический принцип есть другое имя для принципа «одной бухгалтерии». Политическое зиждительство в непосредственном сочетании с религиозной идеей рассматриваю как «двойную бухгалтерию»[3]. Бог не хочет «Кесарева», потому что ничто не «Кесарево», а все Божье[4]. Участие же в общественном движении, преследующем цели народной свободы и народного благополучия, предоставляю совести каждого отдельно, ставя за норму, что поведение каждого должно соответствовать его религиозному сознанию и вытекающему из него императиву действования в целях соборности как неизбежное *следствие*, не допускающее уклонения.

Думаю, что общественное религиозное действие должно состоять в соединении единомыслящих, которые, и не порывая с Таинствами Церкви и не проливая крови, возмогут сделать свою «одну бухгалтерию» направляющей и решающей силой исторической жизни.

Что касается методов действия, я считаю необходимым исповедание своей веры как научение и предупреждение о том, куда привели меня пути свободы; но бесплодным <sic!> кажется мне попытка пропаганды наших достижений. Начинать, поскольку дело идет о неверующих, должно, по-моему, с пробуждением мистической жизни личности, с попытки дифференцировать душевный комплекс «*я*», с плана микрокосма и его анализа, а не с макрокосма и его синтеза. Я знаю, что мистикой зовется теперь все что угодно, только не мистика; и знаю также, что она, истинная, едина и безусловно закономерна. Кто знает ее внутренний опыт, тот едва ли ошибется в «молчании» другого, имеющего тот же опыт. Начинающие, б<ыть> м<ожет>, не будут знать *Имени*, но и их соединение

благословенно; кто не падет и не отпадет, тот скоро узнает Имя. Говорить об императиве героизма общественного неверующему, обещая ему в конце этого опыта соборного действия, постижение и осознание религиозной истины, — или коварно, или рискованно, потому что именно *осознание* истины этим путем зачастую не достигается. Заменить имя Бога словом «добро» — значит отказаться от задачи пробудить *религиозное сознание* как таковое. Если же изначальный императив добра принять за исходный пункт религиозного развития, — это значит совпасть с моим требованием пробуждения мистической жизни и обретения своей глубочайшей сверхличной воли, — но совпасть нецельно: требуется еще, помимо действия, углубление сознания, развитие опыта.

Итак, прежде всего, религиозное движение должно быть проникнуто духом свободы. Эта свобода обретается в мистике, а не в вероисповедании. Провозглашение догмата должно быть заменено провозглашением нашего свободного исповедания, на других *не* налагаемого. Собирание сил будет совершаться разнообразно: возникнут общины молчания, возникнут и общины исповедания. Одни из этих общин противоположат себя церкви во всем, другие — нет. Общим Именем большинства будет Христос; другие будут тайно и в молчании верны Христу. Но все будут — если они мистические общины, а не скопища отца Лжи, — от Духа и от Его свободы, и отличительным знаком всех будет то, что Вы называете «одною бухгалтерией».

Прочтя это, Вы увидите, нужно ли Вам со мной говорить или нет, и если что исправите и я приму, то буду Вам благодарен.

С дружбой и доверием, искренне уважающий Вас

Вяч. Иванов

[1] Имеется в виду не только общая устремленность корреспондентов к проблемам религии и религиозного сознания, но и конкретно работа в *РФО*, а также планы создания христианской секции при нем (подробнее см. во вступительной статье).

[2] Видимо, самым непосредственным образом это положение письма Иванова восходит к недавно появившейся книге Мережковского «Не мир, но меч (К будущей критике христианства)» (СПб., 1908), где неоднократно обсуждается проблема конца христианства, его неполноты, требующей дальнейшей эволюции.

[3] Двойная бухгалтерия — реальный финансовый термин. Однако Иванов, отсылая ко многим текстам из упомянутой в примеч. 2 книги Мережковского «Не мир, но меч», использует его иронически, как одновременное ведение двух параллельных типов подсчета — подлинного («черного») и предназначенного для контроля со стороны внешних инстанций («белого»). Обнаружить термин «двойная бухгалтерия» в том же смысле, что у Иванова, в текстах Мережковского нам удалось только среди поздних (см.: *Мережковский Д.* Собрание сочинений: Данте. Наполеон. М.: Республика, 2000. С. 215).

[4] Отсылка к Мф. 22: 21.

3. Гиппиус — Иванову

Конец ноября — начало декабря 1908 г. Петербург

Дорогой Вячеслав Иванович.

Прежде всего — увы! — нельзя больше ничего втиснуть в январскую книжку, так как «Русск<ая> Мысль»[1] принялась за проведение реформ, хочет дойти

до 1-го числа и, на первый раз, старается выйти хотя бы 6-го или 7-го января. Вся готова и сброшюрована. Если бы я, однако, была уверена, что реформы эти проводятся быстро и «неуклонно», то все было бы поправимо, можно было бы напечатать в феврале, — не уверена я, что выпустят они февральскую первого! Но, может быть, и вы не уверены, что ваш сборник[2] выйдет непременно в начале месяца? Может быть, в середине или в конце?

Стихотворение[3] нам кажется очень красивым, влажным и земным, хотя, признаемся откровенно, его сиянья порою туманны для нас. Но эта немудренность наша часто дает нам себя знать при столкновении с вашими стихами. Особенно я — арифметична; и чуется, да не мыслится, и я уже обеспокоена чем-то.

Д.С. готовит длинную речь в возражение вам, с длинными историческими цитатами и т.д.[4]

Пока — приветствует вас, вместе со мною, и благодарит за память о «Русск<ой> Мысли». От вас ждем указаний, когда точно выходит ваш сборник.

Спасибо, жму вашу руку.

З. Гиппиус.

[1] Описывая осень 1908 г., Гиппиус вспоминала: «Дм. Серг. был приглашен со-редактором в “Русскую Мысль”. Я должна была давать в каждую книжку вступительную статью» (*ДМ2019*. С. 184). Однако сотрудничество продолжалось недолго. О причинах разрыва Гиппиус вспоминала так: «Но Блока мы продолжали любить, из-за него вышел у Дм. С-ча и частичный разрыв с “Русской мыслью”. (Кстати, эта редакция в Москве была единственным “тихим” местом: не суетливая, причесанная, без внутренней драки). Блок написал не то статью, не то поэму в прозе, очень красивую и глубокую, о России. Дм. Серг. прочел ее в Р.<елигиозно>-Филос.<офском> Об<щест>ве и затем хотел напечатать ее в “Русской Мысли”. Но тогдашние редакторы “Р<усской> М<ысли>” этому воспротивились (П.Б. Струве да, кажется, примыкал еще туда и Булгаков). Что-то было им в этой статье не по вкусу, что̀ — не помню. Отказ оправдывали тем, что Дм. С. приглашен редактировать “беллетристику”, а это, мол, статья, и редакто<ры> статей Блока не желают. Тогда Дм. С. отказался и от редактирования беллетристики, — чему, по правде сказать, я была рада, т.к., всю кучу всяческой “belles lettres”, присылаемой нам из Москвы, должна была читать главным образом я (по занятости Дм. С-ча), и это от редакторов, конечно, не скрывалось. “Беллетристику” взял на себя Струве, стихами по-прежнему заведовал Брюсов, а мы с Дм. С. продолжали печатать в “Р.<усской> М.<ысли>” наши вещи (Д. С. — своего “Павла”, до конфискации, а потом и романа, я — тоже роман и критику, под псевдонимом “Лев Пущин”)» (Там же. С. 185–186). Речь идет о статье Блока «Россия и интеллигенция». Судя по письмам Гиппиус к Блоку, сотрудничество было недолгим: 20 октября она писала: «Мы окончательно *вошли* в “Русск<ую> мысль”» (*Минц*. С. 576), а уже 3 декабря извещала: «Мы разошлись с Русск<ой> М<ыслью> и остаемся, — для приличия и для того, чтобы не *посадить* Кизеветтеров, — еще 2−3 месяца редакторами *чисто беллетристического* отдела» (Там же. С. 577).

[2] Это довольно загадочное замечание: вероятно, речь шла о сборнике статей Иванова «По звездам» (СПб., 1909): возможно, он хотел поместить в *РМ* какой-то из ненапечатанных на тот момент текстов этой книги, беспокоясь, чтобы книжная публикация не опередила журнальную. Впрочем, судя по хорошо известной истории типографской судьбы сборника (см.: *Иванов Вяч.* По звездам. Опыты философские, эстетические и критические. Примечания / Отв. ред. К.А. Кумпан. СПб.: Пушкинский Дом, 2018. С. 38−40), осенью 1908 г. у автора не должно было быть иллюзий о скором его появлении в свет: в действительности он вышел лишь в конце июля 1909 г.

[3] Вероятно, речь идет об одном из трех стихотворений: *Иванов Вячеслав*. I. К солнцу; II. Тайный голос; III. Сивилла // Русская мысль. 1909. Кн. I. С. 127−129 первой пагинации.

[4] Не исключено, что имеется в виду ответ на п. 2, но, может быть, речь идет и о полемике в *РФО*.

4. Гиппиус – Иванову

Конец 1909 или начало 1910 г. Петербург

27 <23?>.2.X

Дорогой Вячеслав
Иванович.

Подательница сего — барышня, приехавшая из Москвы (курсистка)[1], которая чрезвычайно хочет с вами познакомиться, и не решается сделать это без письма (хотя я ей указывала на вашу доброту).

Примите ее, если это возможно.

Искренно ваша

З. Гиппиус.

P.S. Барышня эта очень хорошо знает Бориса Николаевича[2] и считаются они первыми друзьями.

[1] Речь идет о Мариэтте Сергеевне Шагинян (1888–1982), впоследствии известной писательнице. С октября 1909 по весну 1910 г. (и несколько раз позже) жила в Петербурге в тесном общении с Мережковскими, и особенно с Гиппиус. История их отношений описана ею самой: *Шагинян М.* Человек и время: История человеческого становления. М., 1982. С. 197–348. Письма Гиппиус к Шагинян: Новые материалы. Исследования. С. 89–140 (Публ. Н.В. Королевой). Письма Шагинян к Гиппиус 1910 г.: Новый журнал (Нью-Йорк), 1988. Кн. 170. С. 248–280; Кн. 171. С. 170–237; Кн. 172–173. С. 395–461 (Публ. А. Тюрина). Возможно, данное письмо связано с тем, что Шагинян понимала как первую размолвку. В недатированном письме, помеченном «Воскресенье» (в книге Шагинян добавлено: «09»). Гиппиус писала: «Вам еще нужно и в "стихотворную Академию", и в кружки "Аполлона" и Вячеслава, и на вечера Сологуба, и… мало ли еще куда! <…> Сегодня вечером выберу вас в Вячеславову секцию и вообще буду о вас говорить с Вячеславом» (Новые материалы. Исследования. С. 122). О своей реакции Шагинян вспоминала: «Это письмо я прочитала, вернувшись из библиотеки, и тотчас впала в отчаянье. Мне были ненавистны все Вячеславы мира…» (*Шагинян М.* Человек и время. С. 285).

[2] Имеется в виду Андрей Белый. О своей дружбе с ним Шагинян рассказала в тех же воспоминаниях, опубликовав и большинство его писем.

5. Гиппиус — Иванову

1 октября 1910 г. Петербург

Пятн<ица> 1.X.

Дорогой Вячеслав Иванович.

Мы еще все больны, оттого и не были на христ<ианской> секции[1]. Я, к досаде своей, именно по вечерам плохо себя чувствую. С удивлением получила письмо от Скалдина[2] (приятеля Пимена Карпова[3]), который уверяет, что вы к нему «неприязненно относитесь и имеете к тому основания, потому что его знаете». Ничего не поняла. Думала, что вы его не знаете.

Хочу вас попросить: не соберетесь ли к нам завтра днем, часов в 5? Скалдин этот (я его сама знаю мало) обещает значительные новости о Пимене Карпове. По субботам у нас иногда бывают люди. В это воскресенье (послезавтра),

быть может, соберетесь и на беседу нашу в истор<ической> секции[4]. Там бывает и о. Михаил[5]. Из-за наших болезней она, секция, совсем как-то завяла, но, надеемся, не окончательно.

А завтра нам всем очень хотелось бы видеть вас у себя.

Вот не думала никогда, что вы можете казаться таким «страшным» для косноязычных и примитивных людей! Скалдин пишет, что от одних вопросов ваших так растерялся, что все решительно забыл.

Приветствую вас сердечно и жду завтра.

Всегда ваша

З. Гиппиус.

P.S. Давно мне хотелось знать ваше мнение о моем «Белом Дьяволе» — в смысле ереси. Или не ересь? Но вы, конечно, его не читали, он был напечатан нынче в «Огоньке»[6].

[1] Решение о создании секции *РФО* по изучению вопросов истории, философии и мистики христианства состоялось на заседании Совета *РФО* 6 марта 1909 г. Первым председателем был избран С.А. Алексеев (Аскольдов), с ноября 1909 — В.И. Иванов. Чаще всего заседания секции происходили на его квартире, знаменитой «Башне».

[2] Скалдин Алексей Дмитриевич (1889−1943) — поэт и прозаик, близкий к Вяч. Иванову. Письмо его к Гиппиус нам неизвестно. Письма его к Вяч. Иванову см.: Из переписки В.И. Иванова с А.Д. Скалдиным / Публ. М. Вахтеля // Минувшее: Исторический альманах. Т. 10. <Paris, 1990>. С. 121–141; ответные: *Скалдин А.* Письма к Вячеславу Ивановичу Иванову / Публ. З. Гимпелевич, примеч. В. Крейда // Новый журнал. 1998. Кн. 212. С. 136–192. Вероятно, переданное Гиппиус беспокойство Скалдина связано с его собственным психологическим состоянием этого времени: все известные нам свидетельства говорят о чрезвычайно благосклонном отношении Иванова к нему и его сочинениям.

[3] Карпов Пимен Иванович (1886–1963) — поэт, прозаик, публицист, выходец из крестьян. Мережковские ему некоторое время покровительствовали, при их посредстве он посещал заседания *РФО* (3 января 1910 г. его доклад «О религиозной стихии русского народа» был прочитан Д.В. Философовым), познакомился с А.А. Блоком. Письма Карпова к Скалдину: РГАЛИ. Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 56. Подробная разработка его биографии: Блок и П.И. Карпов / Вступит. статья, публ. и коммент. К.М. Азадовского // Александр Блок: Исследования и материалы. Л., 1991. Единственное известное на нынешний день письмо к Мережковскому опубликовано: *Богомолов Н.А.* От Пушкина до Кибирова. М., 2004. С. 285−287; письма Мережковского к нему: РНБ. Ф. 124. № 2278 (фрагменты опубликованы в работе К.М. Азадовского). См. также: Письмо Вячеслава Иванова к Пимену Карпову / Публ. Н. Котрелева // Русская мысль: Лит. приложение № 9 к № 3822 от 6 апреля 1990.

[4] 6 декабря 1909 г. была основана вторая секция *РФО* — по изучению истории и философии религии, председателем ее стал С.П. Каблуков.

[5] Михаил (в миру Павел Васильевич Семенов, 1873−1916) — архимандрит Русской православной церкви, экстраординарный профессор петербургской Духовной академии, духовный писатель. В 1907 г. примкнул к старообрядчеству (в связи с чем был лишен сана архимандрита), в 1908 г. хиротонисан во епископа, что вызвало ряд сложностей в отношениях с иерархией, несколько раз запрещался в служении. Гиппиус так вспоминала о нем: «Это был примечательный человек. Русский еврей. Православный архимандрит. Казанский духовный профессор. Старообрядческий епископ. Прогрессивный журналист, судимый и гонимый. Интеллигент, ссылаемый и скрывающийся за границей. Аскет в Белоострове, отдающий всякому всякую копейку. Религиозный проповедник, пророк «нового» христианства среди рабочих, бурный, жертвенный, как дитя беспомощный, хилый, маленький, нервно-возбужденный, беспорядочно-быстрый в движениях, рассеянный <…> В 1902 году церковное начальство вызвало его из Казани в Спб. как опытного полемиста с интеллигентными “еретиками” тогдашних Рел.-Фил. Собраний. <…> В 1908−9 году он бывал у нас уже иным, уже в кафтане стар. епископов, уже после смелых и горячих обвинений православной Церкви. Его “Я обвиняю”… многим памятно. Отсюда ведут начало его поразительные попытки создать новую церковь “Голгофского Христианства”. С внешней стороны это была

демократизация идеи Церкви <…> в эти годы путаность и детская порывистость Михаила удерживали нас от близости к нему» (*Гиппиус. Дневники*. Т. 2. С. 429–430).

[6] Речь идет о рассказе «Он — белый» (Биржевые ведомости. 1910. 7 (20) марта. № 11601. Утр. вып.); Гиппиус вскользь упоминает его под заглавием «Белый дьявол» в письме к Брюсову от 6 сентября 1910 г. («Там <в “Биржевых ведомостях”> я столько недурных печатала, которые любила (“Белый Дьявол”, “Лунные муравьи”) — что не грех и дурно<й> спустить» (*Гиппиус З.Н.* Собрание сочинений. Т. 13. Сост., подг. текста, коммент. А.Н. Николюкина и Т.Ф. Прокопова. М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2012. С. 276). Журнал «Огонек» издавался тем же С.М. Проппером, что и газета «Биржевые ведомости».

6. Гиппиус — Иванову

15 мая 1911 г. Петербург

15.5.11. СПб.

Дорогой Вячеслав Иванович.

На мой взгляд, вышла между нами какая-то недоразуменность, грустная — потому что это свойство чисто интеллигентское — говорить и ни до чего не договариваться, ни до чего положительного. Мы вечно хотим совершенства в соединении, а ежели нет совершенства, тогда ничего не надо, и оказывается, что никакого дела вместе нельзя делать. Полагаю, с такими требованиями если б мы сошлись для выработки даже не «исповедания»... а скромной программы журнала, — и той бы не сумели написать, и никакого журнала бы не вышло. Это какое-то отречение от скромного данного жизни, и, по-моему, так нельзя — будешь обречен на бездействие и одинокое созерцанье. Относительно того вопроса, на котором мы разошлись, я могу сказать вам нечто, что, по моему мнению, еще не лишает нас возможности совместной работы, а до какого предела — это решаете отчасти вы, отчасти покажет будущее. Притом я не хочу ничего замазывать и умалять важность вопроса. Дело, однако, можно упростить. Для нас — невозможность внутренняя *сейчас* совершать Т. в Пр. Ц.[1], выраженная каким-либо человеком (при существовании известного единомыслия, конечно) есть некий *знак*, говорящий нам о suprêm’ной[2] с ним близости, о том, чего словами пока бесполезно касаться. С теми, кто этого знака нам не дает, — мы можем быть близки во многом и во многом, но какая-то одна струна, одна-единственная, не дрожит. Еще проще: с такими людьми (с подающими знак) мы соединены общим *голодом*, и, естественно, с ними лишь можем делать дела, которые ведут к утолению этого голода. В них сытый или имеющий всегда место, где насытиться, естественно, участия не примет: ему не нужно. Объективные рассуждения о голоде чаще всего бесполезны. Тут может помочь и дать результаты лишь известное взаимное доверие и терпимость. Возможно, конечно, что такое первое различие, хотя бы в единой точке (т.е. где, *на земле*, утолять голод) приведет к расщеплению всего пути, однако предвосхищать это (при условии личного доверия) вряд ли нужно.

Объективно — может быть, вы правы, может быть, — мы; вы правы, во всяком случае, *отрицая отречение* от Пр. Ц. Но дать вам понять, объяснить словами, что и мы отрицаем отречение, что наша «невозможность сейчас» и другая

«возможность сейчас» — не отречение, а любовное утверждение и надежда, — этого мы не можем, этого нельзя, и мы тут просим, умоляем вас о доверии, о принятии нас пока хоть вслепую, что ли, с допущением, что, *может быть*, мы и не ошибаемся, — как мы допускаем, что, *может быть*, и вы не ошибаетесь.

Приходите в среду[3], простите краткость этого письма, ничего не выясняющего, кроме любовного к вам отношения — во всяком случае.

Искренно ваша

З. Гиппиус.

P.S. Попросите Марью Мих.[4] сказать мне по телефону, придете ли в среду.

[1] Здесь сокращение совершенно очевидно означает: «Таинства в Православной Церкви». Речь идет о Пасхе 1911 г., когда Мережковские не были на пасхальной службе. Подробнее об этом см. во вступительной статье.

[2] От франц. suprême, наивысший.

[3] Эта среда выпадала на 18 мая. Нам неизвестно, состоялось ли предлагаемое свидание.

[4] Мария Михайловна Замятнина (1862−1919), друг и домоправительница в семействе Ивановых.

7. Гиппиус — Иванову

27 мая 1912 г. (?) Петербург

Воскресение.

Дорогой Вячеслав Иванович.

Очень бы хотелось с вами повидаться. Мы приехали в понедельник и с тех пор уже успели раскиснуть. У меня все болит голова, а Дм. С. окончательно простужен, жар, кашель, горло, сидит сиднем, несмотря на всякое скопление дел и нужных свиданий. Может быть, вы будете такой добрый и зайдете к нам как-нибудь. Когда хотите, днем или вечером. Скажите мне по телефону (114-06), когда собираетесь, когда вам удобнее. Надеюсь, что это будет скоро, — сегодня, завтра. Спасибо за книжку, мы ее уже имели за границей[1].

Искренно ваша

З. Гиппиус.

Закрытка без почтовых штемпелей, т.е., очевидно, отправленная с посыльным.

Датировка этого письма представляет определенные трудности. Упомянутый в тексте телефон принадлежал квартире на Сергиевской, 83, где Мережковские поселились только в мае 1912 г., после возвращения из-за границы. Приехали они 25 мая, в пятницу (см., напр., в письме Д.В. Философова к Ф.И. Благову от 28 мая 1912 г.: «Дм<итрий> Серг<еевич> приехал в пятницу. А.В. Руманов у нас был и обещал Вам об этом сообщить» (НИОР РГБ. Ф. 259. Карт. 23. Ед. хр. 39. Л. 6); в письме П.С. Соловьевой к А.М. Калмыковой от 24 мая 1912 г.: «Завтра ждут Мережковских. Тогда решится мое лето» (РГАЛИ. Ф. 258. Оп. 3. Ед. хр. 126. Л. 24об.)). Но Иванов к этому дню уже неделю как был за границей, выехав 19 мая, о чем, конечно, Мережковские могли не знать. Таким образом, наиболее вероятной (хотя и не бесспорной) датой письма кажется воскресенье 27 мая — но тогда названный Гиппиус в качестве дня приезда понедельник следует считать опиской.

[1] Вероятно, речь идет о втором томе «Cor ardens», вышедшем на рубеже апреля и мая, либо о комплекте двух томов.

ПИСЬМА З.Н. ГИППИУС К А.И. ТИНЯКОВУ (1903–1916)

Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Н.А. Богомолова

Письма Зинаиды Гиппиус к А.И. Тинякову — это тот (впрочем, нередкий) случай, когда односторонняя корреспонденция позволяет больше узнать не об авторе, а об адресате. Учитывая неполноту известных сведений о личности и судьбе Тинякова, это обстоятельство особенно ценно. Характерная фигура своей эпохи, при жизни он был отодвинут на задний план литературы, потом на долгие годы забыт, даже дата его смерти оставалась неизвестной. При том что в 1990-е гг. интерес к Тинякову стал достаточно заметным, всё же представляется небесполезным напомнить его биографию.

Александр Иванович Тиняков родился 13 (25) ноября 1886 г. в селе Богородицкое Мценского уезда Орловской губернии. Происходил из семьи разбогатевших крестьян (дед уже к концу 1860-х гг. был владельцем имения). Учился в Орловской гимназии, однако курса не окончил, покинув ее в 1903 г. После этого весьма усиленно занимался самообразованием, что в итоге привело к накоплению довольно внушительной, хотя весьма беспорядочной эрудиции. Гимназическим учителем литературы у Тинякова был довольно известный литератор Ф.Д. Крюков[1], которому упорно приписывался прототекст «Тихого Дона». Уже в школьные годы он проявлял значительный интерес к литературе, в 1902–1904 гг. был одним из основных авторов издававшихся в гимназии рукописных журналов «Школьные досуги»[2] и «Лучи зари»[3], а осенью 1903 г. дебютировал в печати, избрав поэтический псевдоним Одинокий[4].

Раннее творчество Тинякова развивалось параллельно по двум направлениям: с одной стороны, вполне традиционные стихи и проза, нередко с «гражданским» оттенком, которые он публиковал в «Орловском вестнике», с другой — «декадентские». Как показывают письма к Гиппиус, еще до первой своей газетной публикации он предлагал стихи в «Новый путь», и хотя потерпел неудачу, надежды всё же не оставляли его. В декабре 1903 г. Тиняков едет в Москву, где по рекомендации Крюкова знакомится с А.С. Серафимовичем и Л.Н. Андреевым, но гораздо большее впечатление на него производит посещение издательства «Скорпион» и встреча с В.Я. Брюсовым, ставшим, как писал Тиняков, «моим литературным учителем и предметом моего поклонения»[5]. Как раз в это время в Москве шла ожесточенная борьба между «Скорпионом» и «Грифом», в ходе которой Брюсов настаивал, чтобы те, кто собирается печататься в «Скорпионе», не смели и думать о «Грифе». К себе в «Скорпион» он Тинякова не взял, но предложил ему строить жизнь по образцу символистского жизнетворчества. Через год с небольшим, 31 января 1905 г. Тиняков написал ему: «В декабре <1>903 г. Вы, прочитав мои

стихи, сказали, что я — “не безнадежен”... За год, прошедший с того времени, я почти ничего не печатал, но я много жил, много брал от жизни и много своих чувств и дум положил на ее алтарь. Я — то разъезжал по России в качестве революционного деятеля; то сжигал себя на молитвенном огне Сладострастия и любви к Женщинам; то кружился в вихре бешеных дней отчаянного пьянства; то бросал всё и всех и среди бесконечных деревенских равнин прислушивался, как лед Одиночества окутывал мою душу, как голос безграничного Безмолвия и Безлюдия сладостной болью терзал мое сердце, — а потом опять бросался в Море Жизни с надеждой, что мне удастся забыть о тоске, которая всегда томит меня и властно зовет меня куда-то…»[6] Стихи же его «декадентского» толка впервые появились в альманахе «Гриф» (М., 1904), издатель которого С.А. Кречетов охотно поддержал начинающего писателя[7].

В 1905 г. Тиняков завязал какие-то сношения с социал-демократами, в апреле 1906 г., как следует из помет под стихами, находился в Орловской тюрьме. Однако вскоре разочаровался в революции и демонстративно публиковал верноподданнические стихи и антисемитские статьи в правой газете «Орловская речь», продолжая в то же время писать и стихи «революционные». Во второй половине 1900-х гг. чаще всего он сотрудничал с мелкими московскими изданиями (газеты «Вечерняя почта», «Час», журналы «Трудовой путь», «Голос жизни») и лишь эпизодически печатался в «Весах», «Перевале», «Золотом руне». Многочисленные стихи, присылавшиеся им в символистские издания, как правило, отвергались. Однако круг знакомств Тинякова теперь составляли молодые московские писатели-символисты: известно о его близких отношениях с Н.И. Петровской, сохранилась переписка с В.Ф. Ходасевичем[8], Б.А. Садовским, Л.Н. Столицей, С.А. Клычковым. В 1912 г., после долгих раздумий, он выпустил в издательстве «Гриф» книгу стихов «Navis nigra», довольно единодушно оцененную критикой как эпигонскую[9]. Брюсов не откликнулся на выход книги (на что Тиняков жестоко обиделся), но в письме так оценил первый, завершенный еще в 1910 г., вариант сборника: «Среди Ваших стихотворений, собранных Вами в “Черном корабле”, есть несколько очень удачных. Два основных Ваших недостатка: пристрастие к хитрым рифмам и пристрастие к слишком страшным темам. От того и от другого освободиться можно. Два основных достоинства Ваших стихов: ясность, четкость образов и мелодичность стиха. Эти свои впечатления перескажу Вам подробнее при встрече»[10].

В воспоминаниях о Тинякове, вошедших в очерк «Неудачники», Ходасевич писал о том, что больше всего автора оскорбило умеренное внимание критики: «…спокойного доброжелательства, дружеских ободрений, советов работать Одинокий не вынес. В душе он ожесточился»[11]. Дополнительной обидой был коммерческий провал книги: ее напечатал «Гриф», но целиком за счет автора (точнее, его отца). Из 900 экземпляров за год книжные магазины продали всего 75. Всё же и такое выступление давало основания для обретения некоторой известности в литературных кругах: сборник был выпущен статусным издательством, оформлением очень походил на книги признанных поэтов (например, на «Урну» Андрея Белого), столичные издания его отметили, хотя и не слишком хвалили. Представление о нем зафиксировано путаными воспоминаниями Георгия Иванова: «…в свое время их <стихи Тинякова> печатали в лучших журналах и критика лестно о них отзывалась. Кстати, московское книгоиздательство “Гриф” издало книгу его стихов одновременно с книгой другого начинающего поэта… Блока»[12]. И в другом месте: «Ученейший человек, э… э… э… светлая голова. Мы специально его пригласили в будущую субботу. Он нам прочтет доклад об ассирийских мифах — он ведь знаток э… э… э… и ассириологии. Удивительная разносторонность»[13].

Именно с такой репутацией Тиняков в 1912 г. перебрался в Петербург. Хорошо знавший его В.Ф. Ходасевич так писал Б.А. Садовскому 22 апреля 1916 г.: «Тиняков — паразит, не в бранном, а в точном смысле слова. <…> На моем веку он обвивался вокруг Нины Петровской, Брюсова, Сологуба, Чацкиной, Мережковских и, вероятно, еще раз-

ных лиц. Прибавим сюда и нас с Вами. Он был эс-эром, когда я с ним познакомился, в начале 1905 г. Потом был правым по Брюсову, потом черносотенцем, потом благородным прогрессистом, потом опять черносотенцем (уход из “Северных записок”), потом кадетом (“Речь”). Кто же он? Да никто. Он нуль. Он принимает окраску окружающей среды. <…> Он все-таки типичный русский интеллигент из пропойц (или пропойца из интеллигентов). В нем много хорошего и довольно плохого. Грешит и кается, кается и грешит»[14]. К списку тех, с кем Тиняков рассчитывал войти в дружеские отношения, можно было бы добавить А.А. Ахматову и Н.С. Гумилева, Игоря-Северянина, А.А. Кондратьева, Г.В. Иванова и др. В столице было проще найти и разнообразную литературную работу. Его имя мы встречаем в журналах «Северные записки», «Новый журнал для всех», «Голос жизни», «Дневники писателей», «Ежемесячный журнал», «Исторический вестник» и газетах, начиная с респектабельных «Дня» и «Речи».

В 1913 г. Тиняков под псевдонимом Александр Куликовский поместил в черносотенной газете «Земщина» две статьи (4 и 28 октября), получившие одобрение авторитетных черносотенцев. Так, знаменитый Б.В. Никольский записал в дневнике о торжественном обеде 8 ноября 1913 г.: «Здравица за Государя, за героев киевского процесса <т.е. “дела Бейлиса”>, новое стихотворение Ивана Пересветова, розданное гостям, статья Тинякова (Александра Куликовского) в “Земщине”…»[15] В марте 1916 г. Б.А. Садовской опубликовал стихотворный фельетон «Литературные типы. История одинокого человека»[16], положивший начало кампании осуждения Тинякова, который сам подлил масла в огонь: через номер в том же популярном «Журнале журналов» он напечатал скандальную статью «Исповедь антисемита», вызвавшую оживленную полемику в прессе[17]. Часть литераторов и журналистов прервала отношения с Тиняковым, запомнив скандал на долгие годы[18]. После того как выяснилась невозможность сотрудничества в сколько-нибудь респектабельных газетах, Тиняков снова стал печататься в «Земщине»[19], которая, однако, тоже долго не выдержала такого сотрудничества. Не удалось ему издать и вторую книгу стихов, задуманную еще в 1910 г. и тогда именовавшуюся «Поругание любви и веры». Новый вариант был оформлен в виде рукописи, судя по ряду косвенных признаков, в 1916 г. под заглавием «Весна в подполье»[20] и предлагался издательству М.Н. Семенова, вообще не очень охотно публиковавшему стихи. Отсутствие постоянной литературной работы, обостряемое хроническим алкоголизмом (Тиняков попадал в психиатрическую лечебницу и под арест за появление в пьяном виде в годы сухого закона), заставило его в примечательный день 25 октября 1917 г. покинуть Петроград и вернуться в Орел.

Практически подводя итог петербургскому этапу своей биографии, Тиняков писал А.М. Ремизову 14 мая 1916 г.: «Особенно несправедливо и грешно, когда меня презирают за мои “политические” убеждения, потому что убеждения мои совсем по существу не политические, и весь я всегда вне политики, — безразлично — “состою” ли я в правых или в левых. Оглядываясь на 10–12-летие моей жизни, прислушиваясь к тому, что звучит во мне, я должен признать, что огромное место во мне занимают религиозные переживания (не убеждения, а переживания), с ними сплетаются очень сложные и по существу своему чистые художественные переживания, а рядом бушуют темные, низкие и злые страсти»[21].

С 1918 г. Тиняков весьма активно участвовал в советских изданиях Орла, после его взятия белыми войсками — Казани и Чебоксар, преимущественно под псевдонимами Герасим Чудаков, Антип Хлыстов, Александр Орловский, писал публицистические статьи, агитационные стихи, время от времени — критические статьи, впоследствии составившие книгу «Пролетарская революция и буржуазная культура» (Казань, 1920; под псевдонимом Чудаков). В конце 1920 г. он возвратился в Петроград, некоторое время жил в Доме искусств, что выразительно описал В.Ф. Ходасевич, сотрудничал в журнале «Красный балтиец», в газете «Красный Балтийский флот», в 1922–1924 гг. много печатался в петроградской газете «Последние новости» и в других периодических изданиях

(вечерний выпуск «Красной газеты», «Жизнь искусства»). В 1922 г. выпустил книгу стихов «Треугольник», составил сборник статей о Тютчеве (Пг., 1922), в 1923 г. издал книгу «Русская литература и революция» (Орел), в которой обвинил всю русскую литературу в непонимании идеалов революции. Решительное неприятие в литературных кругах вызвала последняя книга стихов Тинякова «Ego sum qui sum» (Л., 1924).

О Тинякове этого времени вспоминают как о совершенно опустившемся человеке, готовом на любую подлость. Однако мемуарные свидетельства Ходасевича и Георгия Иванова о том, что он служил в ВЧК, вряд ли соответствуют действительности: журналистская работа не оставляла для этого времени, тем более если иметь в виду систематические запои.

Последнее из известных автобиографических свидетельств Тинякова завершается словами: «С 1926 г., ввиду отсутствия лит<ературной> работы, занимаюсь нищенством»[22]. По воспоминаниям современников, основным местом его промысла был угол Литейного и Невского проспектов (или Литейный у книжного кооператива «Колос»), где он сидел с плакатом на груди: «Подайте бывшему поэту». В этом качестве он описан в «Повести о жизни» М.М. Зощенко. В еще большей степени беллетризован Одинокий в романе Д.Л. Быкова «Остромов, или Ученик чародея» (2010).

В 1930 г. Тиняков был арестован не только за нищенство, с которым советские власти тогда боролись, но и за чтение антисоветских стихов[23]. В 1933 г. Тиняков вернулся в Ленинград и писал М. Зощенко: «Был я в лагерях, где мне жилось очень хорошо, но откуда меня, к сожалению, освободили досрочно; отбывал я затем конец срока, — на положении почти свободного гражданина, — в Саратове, где голодал и бедствовал невероятно»[24]. Выразительное описание его внешности за месяц до смерти находим в мемуарах: «Каждый день, под вечер, идя из улицы Чехова (облагороженный Эртелев переулок) по Надеждинской в булочную на Невском (Проспект 25-го Октября) за полкило хлеба (1 р. 25 коп.), я встречаю медленно двигающуюся посреди тротуара, опираясь на палочки выставленными вперед двумя руками, высокую фигуру в широкополой серой, мятой, старой фетровой шляпе и в светло-коричневой плисовой поношенной бекеше, с длинными седыми волосами и бородой, с воспаленным лицом — и всё же сохраняющую оттенок старого интеллигента. Это — писатель Тиняков»[25]. Скончался он, как установил В. Варжапетян, в ленинградской больнице Жертв Революции 17 августа 1934 г. и надолго был забыт всеми.

В последние годы жизни он продавал свой архив, который ухитрился сохранить, несмотря на все житейские испытания. В РГАЛИ находится собранная им коллекция различных документов, а в РНБ — письма к нему. Среди них немало интересных, но едва ли не самые выразительные — от З.Н. Гиппиус.

В приведенном выше отрывке из письма Ходасевича среди тех, к кому постоянно «прилипал» Тиняков, названы и Мережковские. Нам неизвестно точно, когда он с ними познакомился, однако еще в 1925 г. вспоминал: «Виднейшие писатели интересовались мною. Одно время я был в очень хороших отношениях с Ф.К. Сологубом, затем еще ближе сошелся с Д.С. Мережковским и Зин. Н. Гиппиус, которую я и сейчас считаю самой замечательной и безусловно самой очаровательной личностью среди всех наших литераторов»[26]. Сохранившиеся письма начинаются, если не считать ответа из редакции «Нового пути», с 31 марта 1915 г., однако вполне очевидно, что приязненное знакомство произошло ранее. В появившемся 18 февраля этого года восьмом номере журнала «Голос жизни», действенное участие в котором принимал триумвират Мережковских и Философова (последний значился «ближайшим участником» выходившего без имени редактора журнала, а супруги печатались там с первого же номера), появилась статья Тинякова «К переоценке ценностей», на которую в следующем номере отвечал А. Кр., то есть Антон Крайний. В письмах следов этой полемики обнаружить не удается, однако она весьма любопытна сама по себе.

В своей статье, уже названием отсылающей к Ницше (и действительно, его имя появится в тексте), Тиняков довольно неоригинально с точки зрения профессионала, но в то же время явно претендуя на новое слово в истории мировой культуры, говорил, что исконная задача России состоит не в том, чтобы перенять достижения западной цивилизации (в том смысле, в каком это слово употреблялось в начале XX в.), а в отказе от нее и в желании сохранить те духовные ценности, которые в ней уцелели, погибнув или погибая в Европе. Вот какова его аргументация: «…после монгольского ига на русские плечи упало новое иго, быть может, более опасное; именно: со времени Петра I руководящие классы русского общества слишком резко повернулись в сторону Запада, и в конце концов почти вся русская интеллигенция дошла до чрезмерного преклонения пред достижениями и устремлениями европейцев. Между тем на Западе далеко не всё было благополучно. <…> К началу XX века несоответствие между достижениями материальной, интеллектуальной и духовной культуры на Западе стало угрожающим. <…> Под тлетворным дыханием жадности, под зловещим дыханием торопливости стала задыхаться европейская мудрость, стала угасать европейская красота. Безумие глянуло в мир из гениальных книг Фр. Ницше, уродливые лики декадентства и футуризма зареяли над европейскими литературами, а возвышенная жизнерадостность Гёте превратилась в пошлое самодовольство… <…> На Западе стремятся поработить себе природу, — мы должны стремиться к творческому, но мирному сотрудничеству с природою. Активность Запада и миролюбие Востока должны мы соединить в себе, и плодом этого соединения должна стать наша будущая культура. <…> Мы еще должны долго и много работать, чтобы воспринять и воспитать в себе европейское, германское упорство, немецкую волю; но с помощью этой воли мы должны развивать не технику, не фабрики и заводы, не пути сообщения, а наше нравственное “я”. “Пусть побывавшая в европейской школе Марфа хлопочет и заботится о всем внешнем, — хозяйкою нашего великого русского дома останется всё же мечтательная и молитвенная Мария, сидящая у ног Христовых”, — пишет Сологуб. Но если так, то хозяйке нашего дома не нужны броненосцы и граммофоны и заботы о чем-либо подобном, ибо Мария не забудет слов Учителя, сказанных ее сестре: “Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно”. Здесь не может быть колебаний и совмещений: Христос и Эдиссон идут в разные стороны, и если нам душа Марии действительно ближе души Марфы, то мы пойдем за Христом, не слушая того, что нам будет кричать Эдиссон в усовершенствованную телефонную трубку. И не только сами пойдем, но и наших западных братьев попытаемся увлечь на наш путь!»[27]

Гиппиус отвечала ему буквально в следующей книжке журнала: «Очень опасен уклон статьи г. Тинякова <…> Опасен и неверен, хотя исходит автор из верных положений, — о *двойственности* культуры. Я касался этого вопроса неоднократно (“Голос Ж<изни>”, “День”). Да, понятие культуры — двусторонне. Да, известная сгармонированность между культурой внутренней и внешней может назваться настоящей Культурой. Не совершенная гармония (ибо мир только идет к совершенству), но хотя бы связь, последовательное сцепление. <…> Переразвитие внешней культуры ведет к механике, к автоматизму — к падению; переразвитие стороны внутренней — к разъединению, к вымиранию, к одичанию — т.е. опять к падению. У нас и у немцев — две разные, но *равные* опасности. Перепроизводство внешней культуры у немцев в ущерб внутренней (всякое ненормальное развитие одной стороны идет в ущерб другой, соответственно умаляет ее), грозит им механикой, разложением личности; наше переразвитие духовное, не гармонирующее с уровнем нашего внешнего развития, носит в себе ту же, обратную, но равно страшную угрозу. А г. Тиняков предлагает нам следовать дальше как раз по этому, самому для нас опасному склону. <…> К вырождению ли духа ведет путь или к вырождению плоти — на конце обоих одинаковая гибель. Допустим, что в Германии разлагается личность; а мы будем ли правее и счастливее, если у нас начнет разла-

гаться — общество? “Христос и Эдиссон идут в разные стороны”, — утверждает г. Тиняков. Сопоставление не из удачных, но всё равно, мы берем не личности, а принципы. И тут я должен в сотый, в тысячный раз сказать: нет, они именно идут в одну сторону, вместе, неразрывно слитые в одном *движении*. Мало того: в Христе уже есть Эдиссон, и отречение от Эдиссона равносильно отречению от Христа»[28].

Продолжилась полемика и далее. Тинякову запальчиво отвечала М. Шагинян[29], он же, не осмеливаясь затронуть позицию Гиппиус, в письме в редакцию «Голоса жизни» отводил некоторые обвинения Шагинян, указывая на неверное понимание отдельных положений его статьи, а также на ошибочные (с его точки зрения) утверждения оппонента в области истории и антропологии[30]. По замыслу, вероятнее всего, принадлежавшему Гиппиус, полемика перешла и в стихи: расположенные на одной полосе непосредственно вслед за статьей Шагинян три стихотворения О. Мандельштама под общим заглавием «Из цикла “Рим”» и два стихотворения Тинякова также были направлены друг против друга[31]. Своеобразное завершение полемики можно усмотреть в отклике Тинякова на книгу С.Н. Булгакова «Война и русское самосознание», где он в значительной степени повторяет положения Гиппиус, несколько по-иному их аргументируя[32].

К 1915 г. относится наибольшее сближение Тинякова с четой Мережковских, которые, по всей видимости, предполагали обрести в нем если не полного сомышленника, то близкого по духу публициста, которого можно использовать в различных целях: доверять ему рецензировать (под строгим контролем) свои произведения, задавать темы для обсуждения, чтобы затем можно было в полемике реализовать собственные устремления, обретать союзника в различных газетных и журнальных предприятиях. Однако надежды на это были развеяны еще до скандала 1916 г., о котором мы писали выше. Прелюдией к размолвке послужили выступления Тинякова с резкой оценкой новых книг статей и прозы Б.А. Садовского[33], с которым он ранее близко дружил, переписывался и пр. Нам неизвестно, да, вероятно, и не очень важно, какова была последовательность. Еще в феврале 1915 г. они вместе с Садовским навещают их общего друга А.А. Кондратьева (не застав его)[34]. 27 мая Садовской пишет Тинякову вполне мирное письмо[35]. Но в письме от 6 июня Тиняков уже отвечает ему едва ли не в истерике: «Бог Вас знает, за что Вы желаете истребить меня из литературы! Я Вам зла не делал и не желал, а Вы разным паршивым жуликам рассказали что-то про какую-то “Земщину”, — и они этим уже начали пользоваться в своих низких целях. <…> Сознаю в себе, как святыню, мою Арийскую душу и не могу загнать себя ни в какую жидовскую каморочку. <…> А когда Вы у меня будете хлеб отнимать, я буду бороться, как зверь, как гад и как дьявол — вместе! <…> Фет, Случевский, Лесков — богатыри были, да и то их Рославлевы с Ауслендерами затравили и в грязь втоптали. Но верую свято и твердо: будет время, и критика *русская* по достоинству отметит тех и других и громко скажет, что черносотенцы Тютчев и Фет дороже народу русскому, чем высоко-радикальные Ауслендеры, имена же их odiosa sunt»[36]. Для нас очень важно, что их расхождение было во многом замешано на отношении к Мережковским, о чем свидетельствует еще одно письмо Тинякова Садовскому: «Мережковский прислал мне полное собрание своих сочинений и несколько очень лестных писем. По совести сказать, это — честь, еще не заслуженная мною, и, конечно, — счастье великое. Я буду писать о нем большую статью и, вероятно, прочту публичную лекцию (мысль о лекции пришла в голову не мне) <…> Толстой, Достоевский и Мережковский — самые значительные русские писатели; даже Пушкин — при всем его художественном таланте и уме, не сказал слова столь значительного, какое сказали они. *Над* ними только Тютчев и З.Н. Гиппиус»[37].

Однако, судя по всему, именно преклонение и попытка «открыть душу» Мережковским привели Тинякова к разрыву отношений с ними. Еще в конце 1915 г. Тиняков, судя по всему, намекнул Гиппиус на свое прошлое сотрудничество с черносотенной печатью, на что она отвечала ему весьма содержательными письмами, по сути составляющими

центральный нерв переписки, поскольку именно в них Гиппиус формулирует свое отношение к нескольким важным темам: верности (даже в неверном), антисемитизму и его вариациям, правой печати, человеческой психологии, в том числе к психологии самого Тинякова. Никакого сочувствия Тиняков у Гиппиус не нашел. Очень характерно, что их отношения прекратились еще до публичного скандала. Тем более невозможно стало общение Мережковских с Тиняковым после его повторного возвращения в «Земщину». Последнее из публикуемых писем читается как объявление о разрыве отношений.

Но печатное развернутое суждение Тинякова о творчестве Гиппиус сохранилось, и относится оно к более позднему времени. Это его пометы на книге «Последние стихи» и написанная на их основе рецензия на книгу, где читаем: «Говоря о последней книге стихов К. Бальмонта (“Орл<овские> изв<естия>”, 11 августа)[38], — я не мог определить состояние этого поэта иначе, как словами: “во власти классового бешенства”. То же самое я принужден сказать и о г-же Гиппиус. <…> Книжка г-жи Гиппиус, — как и разобранная мною ранее книжка Бальмонта — не имея никакой чисто литературной ценности, — служит, однако, весьма важным обвинительным документом против нашей интеллигенции. Эта самая интеллигенция очень любит говорить о своей “сверхклассовой” психологии, о своем беспристрастии и бескорыстии, о своих заслугах перед революцией и перед народом. Книжки г-жи Гиппиус и Бальмонта с неопровержимой ясностью показывают, что интеллигенция наша, даже в лице культурнейших своих представителей, — вовсе не отличается какими-то небывалыми “сверхклассовыми” качествами, и вполне и всецело примыкает к единому определенному классу — к буржуазии. И насколько враждебна народу буржуазия, настолько же враждебна ему и буржуазная интеллигенция. <…> “Нагайки” и “хлысты” для народа, — это ее подлинные слова. Прибавить к ним почти нечего, — возгласы негодования в данном случае были бы только наивностью. Но можно и должно, ввиду подобных буржуазно-интеллигентских признаний, лишний раз напомнить трудовому народу, особенно пролетариату, — что стоит ему хоть на миг задремать, хоть на миг отступить — и буржуазная нечисть набросится на него и упьется народною кровью <…> — “Последние стихи” З. Гиппиус ручаются за то, что — в бешенстве своем — буржуазия способна на всё»[39].

Гиппиус же о Тинякове, кажется, не вспоминала вообще, даже в связи со своим кружком молодых, о котором неоднократно рассказывала.

Письма З.Н. Гиппиус к А.И. Тинякову воспроизводятся по автографам (РНБ. Ф. 774 (А.И. Тиняков). Ед. хр. 11) в соответствии с современной грамматической нормой, с сохранением отдельных особенностей авторской орфографии и пунктуации. Впервые в полном объеме опубликовано: *ЛФ*. 2016. № 1–2. С. 41–78.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Переписку учителя и ученика см.: НИОР РГБ. Ф. 645. Карт. 5. Ед. хр. 59 (письма Тинякова); РНБ. Ф. 774. Ед. хр. 22 (письма Крюкова). Вполне фантастическая гипотеза об их отношениях высказана в ст.: *Краснова Н*. Федор Крюков и Александр Тиняков // Наша улица. 2006. № 2. С. 13–25.

[2] См.: *Еремин А.И.*, *Жукова Ю.В.* Рукописный журнал орловских гимназистов начала XX века «Школьные досуги» (источниковедческий обзор) // Образование и общество. 2005. № 1 (30), январь–февраль. С. 113–120; *Еремин А.И.* Мировосприятие провинциальных гимназистов в начале XX в. (по материалам рукописного журнала «Школьные досуги») // Вестник РГГУ. 2013. № 10. С. 18–42.

[3] Экземпляр журнала неизвестен; оглавление вышедших номеров 1903–1904 гг. см.: *Тиняков А.И.* Стихотворения / Вступит. статья, сост., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова. 2-е изд. Томск; М.: Водолей, 2002. С. 320–322 (далее: *Тиняков*).

[4] *Одинокий*. Последняя песня // Орловский вестник. 1903. 14 сентября. № 244. С. 2.

[5] Отрывки из моей биографии // *Тиняков*. С. 14. Его воспоминания о Брюсове опубл.: Последние новости [Пг.]. 1923. 17 декабря; переписка хранится: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 104. Ед. хр. 47–48 (письма Тинякова); РНБ. Ф. 774. Ед. хр. 5 (письма Брюсова).

[6] НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 104. Ед. хр. 47. Л. 1.

[7] Его письма к Тинякову: РНБ. Ф. 774. Ед. хр. 39.

[8] Письма Ходасевича опубл.: Континент. 1986. № 50. С. 353–370; публ. Ю. Колкера; письма Тинякова: РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 85.

[9] Приведем фрагменты некоторых особенно выразительных отзывов. Так, Н. Гумилев писал: Тиняков — «ученик Брюсова, но как прав был Андрей Белый, говоря, что брюсовские доспехи раздавят хилых интеллигентов, пожелавших их надеть. Тиняков — один из раздавленных» (*Гумилев Н*. Сочинения: В 3 т. М.: Художественная литература, 1991. Т. 3. С. 120; впервые: Аполлон. 1912. № 10. С. 75); «…совершенно порабощающее влияние имеет на него В. Брюсов» (*Ходасевич В*. Собр. соч.: В 8 т. М.: Русский путь, 2010. Т. 2: Критика и публицистика 1905–1927. С. 138; впервые: Альциона. М., 1914. С. 208; ср. другую его рецензию: Там же. С. 85; впервые: Утро России. 1912. 24 ноября. № 271. С. 6, — Ходасевич писал, что ее тональность искажена редакционными купюрами: *Ходасевич В*. Некрополь: Воспоминания; Литература и власть; Письма Б.А. Садовскому. М.: СС, 1996. С. 330–331). Другие рецензии, иногда более снисходительные и даже хвалебные, см.: *Бальмонт К*. Молодой талант // Утро России. 1913. 24 августа; *Чуносов М. [Ясинский И.И.]* // Новое слово. 1912. № 12. С. 155–156; *Городецкий С*. // Речь. 1912. 5 ноября. № 304. С. 3; *Мешков Н.М*. Новые сборники стихов // Путь. 1913. № 1. С. 53–55; *Гиппиус Вл.В*. // Новый журнал для всех. 1912. № 12. С. 131; *Печерский Эр. [Павчинский Э.И.]* «Палач» (Из случайных встреч) // Раннее утро. 1913. 9 января. № 7. С. 2.

[10] Письмо от 24 мая 1910 г. // РНБ. Ф. 774. Ед. хр. 5.

[11] *Ходасевич В*. Колеблемый треножник. М.: Сов. писатель, 1991. С. 444 (впервые: Возрождение. 1935. 10 января. № 3508. С. 4; 12 января. № 3510. С. 3).

[12] *Иванов Г*. Собрание сочинений: В 3 т. М.: Согласие, 1994. Т. 3. С. 391 (очерк «Александр Иванович»). Напомним, что «Стихи о Прекрасной Даме» Блока действительно изданы «Грифом», но семью годами ранее — в 1905 г.

[13] Там же. С. 404 (очерк «Человек в рединготе»). О тиняковских познаниях в ассириологии см.: *Емельянов В*. Знал ли Александр Иванович халдейский язык? (Об источниках стихотворения А. Тинякова «Тукультипалешарра») // Лесная школа: Труды VI Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Пос. Поляны (Уусикирко) Ленинградской обл., 2010. С. 109–120.

[14] *Ходасевич В*. Некрополь… С. 355; ср. также коммент. И. Андреевой (с. 413–420).

[15] *Никольский Б.В*. Дневник 1896–1918 / Изд. подгот. Д.Н. Шилов и Ю.А. Кузьмин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Т. 2: 1904–1918. С. 171.

[16] Журнал журналов. 1916. № 11. С. 14; подпись: *Б. Борисов*. Перепеч.: Русская стихотворная сатира 1908–1917-х гг. Л.: Сов. писатель, 1974. С. 457.

[17] См.: *Варжапетян В*. «Исповедь антисемита», или к истории одной статьи // Литературное обозрение. 1992. № 1. С. 28–37 (далее: *Варжапетян*; ср. также: *Варжапетян В*. Хождение за Тиняковым // НГ-exlibris. 2016. 10 ноября). Из не включенных в этот обзор откликов назовем: *Андреев Л*. Письмо в редакцию // Биржевые ведомости. 1916. 23 марта. Утр. вып. № 15468. С. 6; *Скептик*. Литературные нравы // Речь. 1916. 24 марта. № 82. С. 2; *Мельгунов С*. О современных литературных нравах. М.: Тип. Вильде, 1916. С. 44–45.

[18] См. обмен письмами между Тиняковым и В.В. Князевым уже в 1921 г.: ИРЛИ. Ф. 584. Ед. хр. 42; РНБ. Ф. 774. № 19.

[19] Письмо в редакцию // Земщина. 1916. 17 апреля. № 2328. С. 3; Русские таланты и жидовские восторги // Земщина. 1916. 22 апреля. № 2333. С. 2 (обе перепеч.: *Варжапетян*. С. 32–33, 36).

[20] НИОР РГБ. Ф. 784. Карт. 27. Ед. хр. 24; опубл. *Тиняков*.

[21] ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 264; *Варжапетян*. С. 37.

[22] РНБ. Ф. 103. Ед. хр. 141.

[23] Одно такое стихотворение, «Чичерин растерян, и Сталин печален…», уже относительно давно опубликовано Г.А. Моревым (Митин журнал. 1999. № 57. С. 501), другое — лишь в 2010 г.

(*Морев Г*. Стихи «бывшего поэта» // Другой гид [Париж]. 2010. № 12. Приложение: Декабрьский сбор друзей. С. 72–73). Выписки из дневника, сохранившиеся в архиве карательных органов, см.: *Сенчин Р*. Одинокий // Литературная Россия. 2011. 30 сентября. № 39. С. 3–5 (явно по интернет-публикации Г.А. Морева).

[24] *Котова М*. К истории отношений А. Тинякова и М. Зощенко // Лесная школа: Труды VI Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Пос. Поляны (Уусикирко) Ленинградской обл., 2010. С. 122.

[25] *Николай Энгельгардт из Батищева [Энгельгард Н.Ф.]*. Эпизоды моей жизни (Воспоминания) / Публ. С.В. Шумихина // Минувшее: исторический альманах. Вып. 24. СПб.; М.: Atheneum; Феникс, 1998. С. 10.

[26] Отрывки из моей биографии // *Тиняков*. С. 15. Эпиграфом из З. Гиппиус сопровождается стихотворение Тинякова «Шудра».

[27] *Тиняков А*. К переоценке ценностей // Голос жизни. 1915. № 8. С. 12–14.

[28] *А. Кр[айний]*. Равноценности // Голос жизни. 1915. № 9. С. 1.

[29] *Шагинян М*. Европа и мы. Ответ г. Тинякову // Голос жизни. 1915. № 14. С. 8–9.

[30] *Тиняков А*. Письмо в редакцию // Голос жизни. 1915. № 18. С. 18.

[31] Подробнее см.: *Богомолов Н.А*. Неосуществленный цикл О.Э. Мандельштама и журнальная полемика 1915 года // Русская публицистика и периодика эпохи первой мировой войны: Политика и поэтика: Исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 243–254.

[32] *Тиняков А*. Византиец XX века // Речь. 1915. 3 (16) августа. № 211 (3234). С. 3–4.

[33] См.: *Чернохлебов И. [Тиняков А.И.]* Критика с погоста // Голос жизни. 1915. № 19. С. 19–20 (рецензия посвящена скандальной книге Б. Садовского «Озимь»); *Тиняков А*. [Рец. на:] Борис Садовской. Лебединые клики. Пг., 1915 // Речь. 1915. 7 (20) сентября. № 246 (3269). С. 3–4.

[34] Письмо А.А. Кондратьева Тинякову от 27 февраля 1915 г. // РНБ. Ф. 774. № 20. Л. 60; 10 марта тот же Кондратьев зовет Тинякова на вечер с присутствием Садовского (Там же. Л. 61).

[35] Процитировано: *Варжапетян*. С. 27.

[36] Там же. Ответ Садовского — там же.

[37] *Ходасевич В*. Некрополь… С. 417 (коммент. И.П. Андреевой).

[38] См.: *А.Т. [Тиняков А.И.]* Во власти классового бешенства // Орловские известия советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 11 августа. № 138. С. 4.

[39] *Чудаков Г. [Тиняков А.И.]* Во власти классового бешенства. Заметка вторая // Орловские известия советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 6 октября. № 182. С. 4. Эта статья, как и пометы Тинякова на книге, опубл.: *Лекманов О*. Пятнадцать помет Александра Тинякова на книге Зинаиды Гиппиус «Последние стихи» (1918): К построению читательской истории литературы // Антропология революции. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 127–138.

1

2 мая 1903 г. Петербург

2.5.03

Милостивый Государь.

К сожалению, присланные Вами стихи не могут быть напечатаны, благодаря недостаточно выработанной форме. Быть может, Вы пишете что-либо прозой? Стихотворный отдел нашего журнала вообще не широк.

С уважением

За редактора

З. Гиппиус.

<*Бланк:*> Новый путь. Ежемесячный журнал. Спб., Невский, 88. <*Конверт:*> г. Орел. 2-я Курская ул. д. Граф. Александру Ивановичу Тинякову. П.ш.: 2 мая 1903 (СПб.); 4 мая 1903 (Орел).

2

31 марта 1915 г. Петроград

31–3–15. Спб. Серг<иевская> 83

Многоуважаемый Александр Иванович.

Вы очень всё преувеличиваете. Я сама критик и хорошо знаю, чего я сто́ю и чего не сто́ю. Слишком увлекаться средними произведениями средних современных писателей так же опасно, как слишком их бранить.

Я задержала корректуру вашей статьи о «З<еленом> К<ольце>» (посылаю ее вам), во-первых, потому, что хочу показать вам, какие выкидки из нее считаю обязательными (для себя); во-вторых, — имея в виду ваше письмо, где вы говорите, что после прочтения пьесы сказали бы иначе о стороне общественной[1]. Кстати, и Д<митрий> Вл<адимирович>[2] находит, что эта сторона в вашей статье смутна.

Во всяком случае, жду статьи не позже воскресенья[3], когда надеюсь увидаться с вами.

Сердечно ваша

З. Гиппиус.

P.S. Относительно «Лукоморья» сказать можно много, но лучше при свиданьи[4].

<*Конверт:*> Александру Ивановичу Тинякову. В.О. Малый пр. 32 кв 8. *Здесь*. П.ш.: 31.3.15 (Петроград). <*Помета Тинякова карандашом:*> Получ<ено> 1 апр<еля> 1915.

[1] «Зеленое кольцо» — пьеса Гиппиус, поставленная В.Э. Мейерхольдом в Александринском театре (премьера состоялась 20 февраля 1915 г.). Сводка рецензий о постановке: Летопись литературных событий в России конца XIX — начала XX в. Вып. 3: 1911 — октябрь 1917. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 374. Статья о спектакле, написанная Тиняковым, нам не известна. Судя по всему, она была набрана для еженедельника «Голос жизни», издававшегося «при ближайшем участии Д.В. Философова», упоминаемого в следующей фразе, да и сама Гиппиус была активным автором журнала (см. об этом во вступительной статье). В журнале постановку рецензировал Н.Л. Слонимский («Зеленое кольцо» // Голос жизни. 1915. 11 марта. № 11. С. 18–20), однако его статья больше похожа на пересказ сюжета. Видимо, статья Тинякова носила полемический характер, что вызвало нарекания как Гиппиус, так и Философова.

[2] Философов, бывший фактическим редактором «Голоса жизни».

[3] Следующее воскресенье приходилось на 6 апреля.

[4] «Лукоморье» — журнал, выходивший в Петербурге/Петрограде с апреля 1914 по сентябрь 1917 г. Издателем был М.А. Суворин, редактировали журнал в разное время А. Ренников (А.М. Селитренников), сам Суворин и Н.Ю. Жуковская. Журнал предлагал писателям и художникам повышенные гонорары, однако многие, исходя из одиозной для «левой» общественности репутации как А.С. Суворина, так и его наследников, отказывались там печататься или же сокрушались, подобно М.А. Кузмину: «До чего дошел: в суворинский журнал иду» (*Кузмин М*. Дневник 1908–1915 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. С. 441). В начале 1915 г. Тиняков напечатал там два стихотворения (№ 5. 31 января; № 16; 18 апреля), Мережковские в нем не сотрудничали. Подробно об истории журнала см.: *Лекманов О*. «У Лукоморья»: К истории одного «националистического» журнала // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. XII. Мифология культурного пространства: К 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова. Тарту, 2011. С. 411–426.

3

18 апреля 1915 г. Петроград

18–4–15
Серг<иевская> 83 Спб.

Многоуважаемый Александр Иванович.

Подумайте, какое же у меня право указывать вам линию поведения. Поведение — только знак внутреннего взгляда; не свободен ли тут каждый, и на кого можно «сердиться» за несогласие? Я могу огорчаться, если нахожу, что кто-нибудь, *с моей точки зрения*, в неправде. Но это уж мое дело. И перемена поведения ничего еще не переменяет; будет насильственно. Пока «сердце ваше не осуждает вас»[1], — пишите в «Лукоморье», а я только оставлю за собой право надеяться, что когда-нибудь «сердце осудит», и эта линия само <так!> собою переменит у вас направление.

Стихи не нравятся мне[2]. «Политически-недостойного» ничего нет, но какие-то они слабые, не нужные. Для инакомыслящих могут быть «удобными», впрочем. Есть многое, что живо и хорошо, пока облечено в молчание, а «описанное» — гаснет и даже может начадить.

А ваша статья о Розанове вышла удачна[3]. Ее очень одобряет и Д<митрий> С<ергеевич>, и жалеет, что не попросил *вас* дать отзыв в «Г<олосе> Ж<изни>» о его новых книгах[4].

Пожалуйста, бросьте лишние сомнения и спокойно приходите завтра.

З. Гиппиус.

<*Конверт журнала «Голос жизни»:*> Петроград, Лиговская, 114. Послано на тот же адрес Тинякова. П.ш.: 18.4.15. <*Помета Тинякова карандашом:*> Получ<ено> 19 апр<еля> 1915.

[1] См.: «Возлюбленные! Если сердце наше не осуждает нас, то мы имеем дерзновение к Богу» (1 Ин. 3:21).

[2] Судя по всему, имеется в виду только что напечатанное в «Лукоморье» стихотворение «Страшна смиренная Россия…» (1915. № 16). Текст см.: *Тиняков*. С. 282.

[3] Речь идет о статье: *Чернохлебов Иван [Тиняков А.И.]* В.В. Розанов и война // Голос жизни. 1915. 15 апреля. № 16. С. 8–11.

[4.] О желании Мережковского видеть Тинякова автором статьи о своих книгах говорят его письма, которые мы здесь приводим, поскольку они отчасти заполняют хронологическую лакуну в письмах Гиппиус. Письма хранятся: РНБ. Ф. 774. Ед. хр. 29; подгот. текста М.М. Павловой.

1

23 июля 1915.
Сергиевская 83, кв. 17.

Глубокоуважаемый
Александр Иванович,

сердечное Вам спасибо за письмо и за ответ. Мне очень важно, чтобы Вы написали обо мне статью. Я не сомневаюсь, что Вы ее в конце концов напечатаете. Думаю, что в Биржев<ых ведомостях> или Дне возьмут — я там пользуюсь некоторым влиянием. Сегодня я отдал распоряжение, чтобы Сытин послал Вам Полное Собрание моих сочинений. Я до Субботы здесь, в Петербурге. Потом еду в *Лигово* (Балт. ж.д.) *имение Каерово*. Известите меня о получении книг. И если возможно, позвоните мне по телефону завтра между 11–1 ч.ч. утра или 9–10 ч.ч. вечера. Мне хочется с Вами переговорить. Еще раз большое спасибо! Запоздал ответом, потому что не хотел Вам писать, не послав сочинений.

Искренне Ваш
Д. Мережковский

2

25 июля 1915.

Глубокоуважаемый
Александр Иванович,

Я завтра еду в Лигово. Там думаю пробыть до начала (10-го) Сентября. Потом вернусь в Петербург или поеду на месяц на Кавказ или в Крым, смотря по военным обстоятельствам. Зимою буду в Петербурге. Надеюсь, осенью (в Сентябре — Октябре) с Вами увидаться в Петербурге. Конечно, с великим интересом прочту Вашу статью и скажу мое мнение. Очень было бы хорошо, если бы Вы ее прочли в виде лекции публичной. Я думаю, что она собрала бы публику и вызвала бы обмен мнений, что подготовило бы впечатление для печати.

Итак, буду ждать от Вас известий.

Искренне преданный Вам
Д. Мережковский

3

10/X 1915.

Глубокоуважаемый
Александр Иванович,

читаем Ваше интересное письмо и много думаем о нем. Чтобы ответить, надо бы написать такое же длинное письмо, как Ваше. (Кстати, это целая статья, и жаль, что она пропадает — сохраните ее — я Вам ее отдам, м<ожет> б<ыть> воспользуетесь.)

Лучше всего, если зайдете ко мне переговорить. Не можете ли в Среду на будущей неделе вечером в 9 ½ ч.?

Надеюсь увидеть Вас завтра в Рел<игиозно>-Фил<ософском> О<бщест>ве? Если получите повестку (я просил, чтобы Вам послали) «на чашку чаю» к Шубину-Поздееву, имейте в виду, что я там читаю доклад о русском «единовластии» по отношению к церкви. Там собрание думских прогрессистов.

Итак, надеюсь, до скорого свидания.

Еще раз большое спасибо за Ваше письмо. Немногие так вдумчиво и глубоко относятся к моим писаниям, как Вы.

Искренне преданный Вам
Д. Мережковский

4

<14 октября 1915>

Глубокоуважаемый
Александр Иванович,

мне очень досадно, что Вы не получили моего письма.

Я сейчас не совсем здоров, а когда поправлюсь, хотел бы повидаться с Вами и поговорить.

Сейчас я говорил с И.В. Гессеном: он просил меня сказать Вам, что если Вы напишете рецензии на мои книги «Было и будет» и «Две тайны», то он охотно напечатает в «Речи». Но напишете ли?

Надеюсь, до скорого свидания.

За Ваше письмо о браманизме большое спасибо. Я много о нем думал.

Всего доброго
Д. Мережковский

5

17/XI 1915

Глубокоуважаемый
Александр Иванович,

я говорил Гаккебушу (Биржев<ые> Ведом<ости>) о Вашей статье. Он согласен ее напечатать. Если она не пойдет в «Голосе», то не отдадите ли ему (Мих. Мих. Гаккебуш, Галерная 40, Бирж. В.). Очень хотелось бы, чтобы Ваша статья все-таки появилась.

Сердечно Ваш
Д. Мережковский

4

12 октября 1915 г. Петроград

12–X–15

Дорогой Александр Иванович.

Дм<итрий> Серг<еевич> просит меня известить вас, что завтра на Моховой читать не будет[1]. Он простудился, болит горло, не выходит. Надеялась повидаться с вами у нас в среду, но т.к. Дм<итрию> С<ергееви>чу трудно говорить, то он просит вас не посетовать, что свидание откладывается.

Я часто вспоминала вас за это время и всегда с самым хорошим чувством.

З. Гиппиус.

<*Открытка:*> Здесь. В.О. 11 линия, д. 52, кв. 20. Александру Ивановичу Тинякову. П.ш.: 12.10.15. <*Помета Тинякова карандашом:*> Получ<ено> 13 окт<ября> 1915.

[1] Сведений о таком чтении в печати обнаружить не удалось. Возможно, имеется в виду доклад, о котором Мережковский пишет Тинякову в письме от 10 октября (см. выше).

5

31 октября 1915 г. Петроград

31–X–15
Серг<иевская> 83

Многоуважаемый Александр Иванович, Дм<итрий> Серг<еевич> всё собирается назначить нам «свидание», а я всё жду, но конца сборам не вижу. Лучше вы попросту приходите *ко мне* днем в воскресенье, когда сможете, по примеру прошлого года. Вот хотя бы завтра, 1-го. Тогда виднее будет и насчет приватного свиданья.

После Дм<итрия> С<ергеевича> и я была больна ангиной, до сих пор не выхожу. У меня теперь в воскресенье никто почти и не бывает, я никого не зову особенно. А тут еще всяческие болезни...

Итак, надеюсь, до завтра.

Ваша

З. Гиппиус.

<*Закрытка:*> Здесь. В.О. 11 линия, д. 52, кв. 20. Александру Ивановичу Тинякову. П.ш.: 31.10.15. <*Помета Тинякова карандашом:*> 1 н<оя>бр<я> 1915.

6

12 декабря 1915 г. Петроград

9–12–15 Спб

Многоуважаемый Александр Иванович.

Напротив, я совершенно не хочу, чтобы вы молчали по вопросу, который я

тоже считаю крайне интересным и важным. Более важным, чем это воображают невинные наши сочлены[1]. Так как вы видите, — из них, если кто и хочет здесь что-нибудь сказать — не может, то на вас, на могущего, ложится сугубая обязанность говорить. Полагаю, однако, что чем вы искреннее будете говорить, тем лучше. Что за беда, если наши с вами убеждения тут не вполне сойдутся. Это будет значить, что кто-либо из нас ошибается; или оба, а правда посередине, и в столкновениях мы ее найдем.

Читали ли вы, в 1 № студ<енческого> журнала «Студ<енческая> Мысль», статейку «Забытые»? Она даже поставлена на анкету[2]. И любопытна... опять тем же, опять ожиданием героя, учителя, жалобами на то, что «писатели, между прочим» «забыли молодежь» и нет ни одного, указывающего «как жить». Как беспомощно, как старо и слепо[3]!

Относительно «Зел<еного> Кольца» я Вам скажу в воскресенье, ибо увижу Ляцкого в пятницу[4]. А вы до пятницы дайте мне какой-нибудь ответ о ваших статейных и отзывных планах, т.е. что́ бы вы хотели и смогли из них конкретизировать для трех книжек первых, и в какие сроки. Ляцкий мне всё звонит, Гиппиус до Рождества пальцем не может двинуть, и я решительно не представляю себе будущего. Если в пятницу я смогу ему, Ляцкому, ответить хоть относительно вас, и то уж хорошо.

А вопрос «учительства, водительства, наставничества и начальничества» — не оставляйте, поставьте его как можно резче[5]. Этим вы серьезно поможете.

Искренно ваша

З. Гиппиус.

Не забудьте ваших «приводимых». А Оцуп — теософ? Я и не знала. Хотя похоже[6].

<*Адрес:*> Здесь. В.О. 11 линия, д. 52, кв. 20. Александру Ивановичу Тинякову. П.ш.: 10.12.15. <*Помета Тинякова карандашом:*> Получ<ено> 10 дек<абря> 1915.

[1] Речь идет о собраниях молодых поэтов и просто молодежи у Мережковских. Подробнее о них см. в предисловии к письмам к В.А. Злобину (с. 496 наст. изд.), а также: З.Н. Гиппиус в переписке с братьями Н.Л. и М.Л. Слонимскими (1915–1923): история личных и творческих отношений / Вступит. статья, подгот. текста и коммент. Кита Триббла // Русская литература. 2006. № 6. С. 193–229.

[2] *Ледерман М.* Забытые // Студенческая мысль. 1915. Декабрь. № 1. Стлб. 25–28. В заключение говорилось: «…редакция обращается к читателям с просьбой высказать свои мысли о том, что представляло собой студенчество за последнее десятилетие. Данные анкеты будут опубликованы на страницах журнала». Журнал, однако, остановился на первом номере.

[3] Гиппиус пересказывает следующий абзац: «Творцы мысли, к вам взываем мы. Скажите, что представляло студенчество в последние пять лет. Чем оно жило и что оно создало? Если бледны узоры нашей жизни, уловите неуловимое. Может быть, оно и теперь скрыто бунтует в разрешении смысла жизни. Куда идти?» (*Ледерман М.* Забытые. Стлб. 28).

[4] Пятница приходилась на 11 декабря. Речь, вероятно, идет о том же отзыве Тинякова по поводу спектакля «Зеленое кольцо», что и в п. 1. Евгений Александрович Ляцкий (1868–1942) — этнограф, литературовед. Принимал участие в работе многих периодических изданий, однако о его журнальных или газетных планах на этот период информации собрать не удалось. С осторожностью можно высказать предположение, что обсуждалась возможность напечатать статью Тинякова в приложении к книжному изданию «Зеленого кольца» (Пг.: Огни, 1916; Ляцкий близко стоял к этому издательству). Гиппиус рецензировала его книгу «Роман и жизнь. (Развитие творческой личности Гончарова)» (Прага, 1925): Самое интересное // *ПН*. 1925. 27 августа. № 1638. С. 2; подпись: Антон Крайний; перепеч.: *Неизвестная проза, т. 1*. С. 481–486. В связи с этой рецензией и изданием в Праге ее воспоминаний «Живые лица» состояла с Ляцким в переписке (см.: Евгений Ляцкий. Ма-

териалы к биографии / Подгот. текстов и публ. С.И. Михальченко. Брянск, 2000. С. 96–117).

5. Публикация доклада или специальной статьи Тинякова на подобную тему нам не известна.

6. Оцуп Николай Авдеевич (1894–1958) — поэт, прозаик, публицист, историк литературы, член Третьего «Цеха поэтов», с 1922 г. в эмиграции. В 1915 г. входил в «Кружок поэтов» Петербургского университета. В единственном, насколько мы знаем, сохранившемся третьем выпуске его машинописного альманаха (НИОР РГБ. Ф. 245. Карт. 11. Ед. хр. 50) его стихи напечатаны рядом с произведениями других молодых поэтов, близких в то время к кругу Гиппиус, — Н. Адуева и Г. Маслова. О теософских контактах Оцупа этого времени нам ничего не известно, хотя, возможно, это проливает некоторый свет на его редакторство знаменитого альманаха «Числа», издававшегося в значительной степени на деньги теософов.

7
11 декабря 1915 г. Петроград

11–12–15 Спб.

Тринадцатого, многоуважаемый А<лександр> И<ванович>, *начинать* не следует ничего (если не следует!), а продолжать — что угодно[1]. Мороз — причина более уважительная, хотя мне будет особенно жаль, если вы не придете, потому, что в *следующее* воскресенье я не наверно присутствую и могу не услышать вас. Нынче же, полагаю, и так многие не придут, кто болен, кто замерз, кто «проштрафился»... Было мне возни за неделю с этим роковым «учительством»! Жюльен[2] прислал длинную записку по вопросу.

Очень возможно, что вы и будете писать беллетристику, но должна признаться, что не мнение Горького меня в этом убеждает[3].

Итак, надеюсь — до свиданья.

З. Гиппиус

<*Закрытка:*> Здесь. В.О. 11 линия, д. 52, кв. 20. Александру Ивановичу Тинякову. П.ш.: 11.12.15.

1. Речь, судя по всему, идет о том же докладе Тинякова, что и в п. 6. 13 декабря было воскресенье, т.е. день встреч «молодежи» у Мережковских.

2. Возможно, Стефан Николаевич Жюльен, участник *РФО*; см. о нем наст изд.: С. 570.

3. В «Отрывках из моей биографии» к 1915 г. отнесена фраза: «Завязалась у меня переписка и личное знакомство с М. Горьким» (*Тиняков*. С. 15). 7 декабря, прочитав отзыв о своем рассказе «Пропащий», Тиняков спрашивал Горького: «…быть может, Вы соблаговолите сказать мне несколько откровенных слов о том: есть ли, по Вашему мнению, у меня вообще способность к художественному творчеству или же выше анекдота не пойду? <…> Я за карьерой беллетриста не гонюсь, но если понимающие люди, как, например, Вы, — найдут в моих писаниях нечто неглупое и живое, то отчего же и не поработать?» (*Горький М*. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 11. С. 482; коммент. И.А. Зайцевой). На следующий день Горький отвечал: «…беллетрист ли Вы? Я почти уверен в этом. Читая Ваши рецензии, я вижу в них прежде всего беллетриста. И если позволите советовать — советую: пишите рассказы. Очень советую» (Там же. С. 288). К тому времени у Тинякова была напечатана повесть «Старый редактор» (Новый журнал для всех. 1914. № 3), о которой он сам говорил: «…надо сознаться, очень плох<ая>» (*Тиняков*. С. 15).

8
22 декабря 1915 г. Петроград

22–12–15

Мне весьма будет жаль, дорогой А<лександр> И<ванович>, если вы так и уедете на неопределенное время, не узнав, как двое из слушавших вас реагировали на ваши слова. К сожалению, вам они ничего не говорят, а пишут потом — мне. Жюльен мне написал вообще любопытное письмо (в то же воскресенье), а вас, по-моему, понял глубоко превратно[1]. Ястребова[2] письмо тоже чрезвычайно интересно; очень мы понимаем мало каждого человека! и вы, конечно. И вас, естественно.

Забыла сказать еще, что очень бы хорошо, если б вы взялись написать о трех письмах Тургенева (о фр<анко->пр<усской> войне), они только что вышли в «Пропилеях» и необыкновенно интересны в связи с сегодн<яшним> днем. Если вы не сейчас уедете, я бы вам могла дать и книжку[3].

Всего хорошего

З. Гиппиус.

Послано на тот же адрес. П.ш.: 22.12.15. <*Помета Тинякова карандашом:*> Получ<ено> 23 дек<абря> 1915.

[1] См. примеч. 2 к п. 7; письмо нам неизвестно.

[2] Ястребов Николай Николаевич (1885–?) — начинающий поэт из круга Гиппиус, студент физико-математического факультета Петроградского университета, офицер. Его стихи напечатаны в «Голосе жизни» и в антологии «88 современных стихотворений, избранных З.Н. Гиппиус» (Пг., 1917). См. также: *Ястребов Н*. Зори грядущего // Голос жизни. № 15. С. 7–8; на эту статью отвечала Гиппиус: *Антон Крайний*. Зори ли? Грядущего ли? // Там же. С. 9–10. Ему посвящено стихотворение Гиппиус «Непоправимо». Справки о нем см.: ЛН. Т. 92. Кн. 3. М.: Наука, 1982. С. 474–475; *Тиняков*. С. 509.

[3] Вероятно, имеется в виду публикация: *[Тургенев И.С.]* Корреспонденции о Франко-Прусской войне // Русские Пропилеи: материалы по истории русской мысли и литературы / Собрал и приготовил к печати М. Гершензон. Т. 3: Писания И.С. Тургенева, не включенные в собрания его сочинений. М., 1916. С. 202–219.

9
30 декабря 1915 г. Петроград

30 Дек. 15 Спб.

> «...он говорит нам, что... всякое общественное (даже политическое) дело по существу своему не менее религиозно, нежели жаркая молитва верующего. Он говорит нам о социальной жизни: войдите, и здесь Бог; но он прибавляет: помните же, что здесь Бог и что вы служите *ему*».
> (Чаадаев)[1]

Ваше письмо, Александр Иванович, трижды мне доказывает, как мало еще вы меня знаете.

О первом пункте не будем, пожалуй, говорить: слишком серьезен он, в прин-

ципе, для вас. Вкратце же скажу вам, с простотой, что я недостойна человеческого *поклонения*, как недостоин его всякий человек. *Этому* вашему лику я, в сущности, могла бы только ответить: «отойди от меня, сатана»[2]; но я не верю, что у вас есть, действительно, такой «лик»; я считаю это временным вашим душевномысленным заблуждением, непреодоленным соблазном. И понимаю, что здесь знание или незнание меня — не играет роли; не важно, я ли именно или не я. В данном действии всё лежит на субъекте, а объект безразличен, по самому своему положению — пассивности.

Другое дело, когда мы переходим к той части письма, в которой вы меня спрашиваете, как отнесусь я к вашему, вот такому-то, прошлому. Вы даже предполагаете, что, быть может, я «не захочу вас видеть». Это странное предположение связано с не менее странными (обращенными ко *мне*) вашими пояснениями насчет того, что ваша «личность» не вмещается ни в «политику», ни в какие бы то ни было «политические партии»[3]. Думаете ли вы, что моя вмещается, или даже что я допускаю вмещение другой какой-нибудь «личности»? Личность вмещается только в Бога, но в нее-то вмещается очень многое, и так надо, только надо, чтобы это многое было доброе, светлое, а не темное, такое, что́ было бы не стыдно, не больно нести и донести. И вечный происходит отбор, выбор. Иной раз приходится брать тяжелый кусок шлака, если есть в нем золотые зерна; ради них трудишься, и отбор делаешь в пути, время помогает воле. Партии, группы и т.д., всё, что касается правды *человечества*, это отдельные земляные, грубые куски, золотых слитков нет; но надо хватать эти куски и *выбирать* те, которые можно очистить, в которых *есть* золото, а не пустая черная земля.

Вы брали эс-деков[4]; вы испугались, что с ними можно «потерять душу» (личность). Да, можно, еще бы! Если личность еще так мала, что вмещается в них, а не их в себя вмещает. Вы пошли туда, где «личность» как бы явно поддерживается, пошли как бы в более для нее безопасное место, сохранное. («Анти» — не важно для того, для кого Христос не важнее моего «я».) Ну и что же дальше? Ведь из этого «безопасного» места вы тоже ушли. Ушли не только из этой жизненной реки (воды всех жизненных рек довольно грязны, было бы за что грязь прощать) — но и от внутренних устьев данного места отошли. Куда? С чем? Во имя чего? Не хочу и не могу сказать «в пустоту», но во всяком случае вы вне рек жизни, опять «душу сохраняете», боитесь, как бы ее грязной водой не смыло.

Я, впрочем, не сужу ни вас, ни того, чего я не знаю. Каждый знает о правде то, что может, свое, по совести. Я смиренно не боюсь потерять душу, лезу в ту реку, что течет, по-моему, в верную сторону. Если душа захлебнется в этих волнах, туда ей и дорога. Было что́ хранить! Беда не в том моя, что что <так!> лезу в воду, а в том, что порою еще по-старому, по слабостям, уклоняюсь и не во всю свою меру лезу.

Понимая ваш путь, ваши переходы и то, что вас толкало к Розанову[5], к Бор<ису> Никольскому[6] и т.д. — я не только не могла бы предать вас за него остракизму (Пешехонов я, что ли? Ленин?) — но и за более опасное ваше плавание в черной реке не сумела бы поставить на вас крест. Например, если бы во времена близости вашей к Розанову последний убедил, соблазнил вас написать антисемитическую статью в каком-нибудь «Русском Знамени»[7] и поместил

бы ее там хоть без имени, — что́ бы этот факт прибавил или убавил для меня? Ровно ничего. Я верю, что вы тогда *искренно* так думали. Высказывать, что думаешь, даже честнее, чем замазывать. И верю я, что вы никогда не были именно Розановым, т.е. человеком с двоящимися мыслями — во всякий час. А только вот в этом последнем случае я бы перестала вас... видеть, различать; такое без-личие просто выпадает из поля моего зрения, проваливается для меня...

Если с крайним стойким черносотенством я не интенсивно общаюсь в смысле борьбы, то потому, что некогда, и центр борьбы не тут, слишком они позади, много дела вне «Земщин»[8]. Но я их могу *видеть*, поскольку они длительно и бескорыстно (?) отстаивают свою, явно пропащую, позицию. Но к «Розановым» я слепну[9].

Антисемитизм, между прочим, мне тоже кажется каким-то маленьким *трусливым* чувством. Вопреки рассудку и примитивному общекультурному ощущению — опять дрожь за слабое *свое*: съем жида, пока он меня не съел; отдам его на кухню, прав<ительст>ву, пусть изжарит, а я тогда, готовенького, с правом съем. К чему, Господи! Пусть солнце всходит над жидами и русскими, мне солнца не жалко. А вот тех русских, которые в борьбе с евреями жидовеют, — мне жалко. Вопрос еврейства так глубок сам по себе, что стыдно подходить к нему, не отмыв себя начисто от всякого «анти»-семитизма.

Еще вот что я вам скажу: всего ценнее и лучше было бы, если бы вы, совершая ваш дальнейший путь, на каждом повороте поверяли его, но не чужой правдой, а своей душой. Все люди вам в помощь; выбирайте из тех, от кого чаете получить лучшую; верьте им, но не в них. Всё равно, пока правда другого не сделается моей, изнутри моей, как бы мною найденной, — она во мне бездейственна. Если — говорю к примеру — вы были тогда, весной, убеждены, что хорошо и внутренно вам можно писать в «Лукоморье», вы обязаны были там писать. Вы погрешили *перед собой*, если, не убедившись моими словами внутренно, а лишь «послушавшись» меня, ушли оттуда[10]. Вам было приятно, быть может, послушаться, и оказалось потом выгодно; а грех всё же остался (если было так).

И теперь: подумайте над правом и смыслом своей «аполитичности»; но не интересуйтесь «политикой», потому что вот тот-то или этот ею интересуется. А что моего интересованья касается, то видите: вы его еще не поняли, — когда писали мне, по крайней мере.

Однако я, кажется, возвращаюсь к началу письма. Да и пора кончить. Успокоили ли Ганфмана[11]? Вот, ему кроме *фактов* ни до чего нет дела. Надеюсь, что вы устроили с отъездом, остались[12]? В воскресенье[13] жду вас. Ежели написала что не так — постарайтесь всё же понять недописанное.

З. Гиппиус.

Отправлено на тот же адрес. П.ш.: 30.12.15. <*Помета Тинякова карандашом:*> Получ<ено> 31 дек<абря> 1915. Частично опубл. в коммент. Н.А. Богомолова: *Живые лица*. С. 440; тот же фрагмент — *Варжапетян*. С. 28. Другой фрагмент — в примечаниях И.П. Андреевой: *Ходасевич В*. Некрополь… С. 418–419.

[1] Цитата из предисловия М.О. Гершензона к его книге «П.Я. Чаадаев. Его жизнь и мышление» с сокращением (обозначено отточием) и собственным добавлением Гиппиус (в круглых скобках). См.: *Гершензон М*. Избранное: В 4 т. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, Университетская книга, 2000. Т. 1. С. 382.

[2] Слова Иисуса, обращенные им к дьяволу (Мф. 4:10; Лк. 4:8), но также и к апостолу Павлу

(Мф. 16:23; Мк. 8:33).

[3] Ср. в письме Тинякова к Б.А. Садовскому от 6 июня 1915 г.: «…я органически выше и шире партийных и газетных перегородок» (*Варжапетян*. С. 27). Ср. также в «Исповеди антисемита»: «Что же касается меня, то *разницу* между этими газетами [«Речь» и «Земщина»] я вижу, а *бездны* действительно, не вижу, и вместиться *всецело* не могу и не хочу ни в ту, ни в другую, ни в какую-нибудь третью газету» (Журнал журналов. 1916. № 13. С. 7; *Варжапетян*. С. 29).

[4] Общеупотребительное сокращенное название партии социал-демократов (как большевиков, так и меньшевиков). Судя по всему, с ними Тиняков сблизился в 1904–1905 гг., но впоследствии решительно отошел.

[5] На протяжении долгого времени Тиняков с глубоким интересом относился как к творчеству В.В. Розанова (1856–1919), так и к нему самому. Воспоминаниями Б.А. Садовского зафиксировано его присутствие на «воскресеньях» Розанова (*Садовской Б.А.* Записки (1881–1916) / Публ. С.В. Шумихина // Российский архив: Альм. Т. 1. М.: ТРИТЭ; Российский Архив, 1991. С. 175), сохранился инскрипт Розанова, обращенный к Тинякову (Розановская энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. Стлб. 1255; справка Е.Р. Обатниной). Однако в 1915 г. Тиняков несколько раз печатно выступал против новых произведений Розанова (см. примеч. 3 к п. 3, а также: *Тиняков А*. «Наименее рожденный» // Петроградский курьер. 1915. 1 октября).

[6] Никольский Борис Владимирович (1870–1919, расстрелян) — юрист, поэт, литературовед, переводчик, активный деятель крайне правого общественного движения. Был приват-доцентом историко-филологического факультета Петербургского университета, преподавал в Училище правоведения, с 1913 г. — профессор юридического факультета Юрьевского университета (назначен приказом министра, а не избран). О знакомстве с Никольским Тиняков рассказывал: «…Садовской, узнав, что я написал статью о деле Бейлиса, отнес ее к известному “правому” деятелю профессору N, и уже с “благословения” последнего и с его поправками эта статья и была напечатана в “Земщине”» (Журнал журналов. 1916. № 13. С. 7; *Варжапетян*. С. 29; см. также дневниковую запись Никольского во вступит. статье). К 1915 г. связи Тинякова и Никольского прекратились, — судя по всему, по воле Тинякова. 19 февраля 1914 г. ему сообщал А.А. Кондратьев, близко знакомый с Никольским еще с университетских времен и его корреспондент: «Б.В.Н. о Вас осведомлялся» (РНБ. Ф. 774. Ед. хр. 20. Л. 21), и 18 июня того же года: «Рекомендую Вам как-нибудь черкнуть письмо Борису Владимировичу. Он всегда о Вас спрашивает» (Там же. Л. 28), затем 14 июля: «Я виделся недавно случайно с Борисом Владимировичем. Он спрашивал о Вас и просил Вас ему написать, обещая ответить. Летом он отвечает. Его адрес: ст. Турцевич Николаевской ж.д., имение княгини Урусовой. Б.В. Н-му» (Там же. Л. 40). Однако, судя по всему, ни писем, ни встреч между ними больше не было. Особенно должны были остеречь Никольского сообщения Кондратьева. Так, 6 января 1916 г. он писал: «Садовский же просил у меня навести справку, в каком № “Земщины” была напечатана Тиняковым статья за подписью Куликовского. Но я предпочитаю не дразнить змей без особой к тому надобности, да и времени у меня для справок нет. Он хочет обличить Тинякова в литературных кругах, а на самом деле свести с ним личные счеты. Да и сам Садовской хорош гусь» (ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Ед. хр. 366. Л. 130–130об.), а 25 июня добавлял: «Вообще Вас, по-видимому, не забыли, хотя в печати и не упоминают столь же часто, как в прежние годы. К сожалению, последняя ссора Бориса Александровича с Александром Ивановичем, в которой оба этих оказавшихся мелкими себялюбцами человека старались при помощи всяких средств потопить друг друга, Вам повредила. В своих стремлениях очернить один другого, они касались и третьих лиц. Александр Иванович намекал в одном из писем в редакцию, что Борис Александрович толкал его на что-то близкое к провокации, и оба тут же или почти рядом упоминали правого профессора, специалиста по Фету. Получалась, вольно или невольно, какая-то, б<ыть> м<ожет>, и нежелательная для них самих ассоциация. Но я боюсь, что ассоциация эта отравила Ваше последнее литературное знакомство. Ну да черт с ними!..» (Там же. Л. 138).

[7] «Русское знамя» — ежедневная газета, выходившая в Петербурге/Петрограде в 1905–1917 гг., орган Союза русского народа.

[8] «Земщина» — ежедневная ультраправая газета, выходившая в Петербурге/Петрограде в 1909–1917 гг. В ней, помимо Тинякова, сотрудничал и В.В. Розанов, напечатавший ряд статей, касающихся дела Бейлиса.

[9] Имя Розанова здесь упомянуто как символ «переметничества», что было связано с давним к тому времени конфликтом между ним и Мережковскими, вылившимся в исключение Розанова из *РФО*, широко обсуждавшееся в печати того времени.

[10] См. п. 2 и примеч. к нему.

[11] Ганфман Максим Ипполитович (1873–1934) — юрист, публицист, редактор литературного отдела газеты «Речь», где в то время сотрудничал Тиняков.

[12] Ввиду тяжелого материального положения Тиняков постоянно собирался уехать в Орловскую губернию к родителям. Случилось это только в конце 1917 г.

[13] Ближайшее воскресенье приходилось на 3 января 1916 г.

10

4 февраля 1916 г. Петроград

4–2–16 Спб.
Серг<иевская> 83

Многоуважаемый Александр Иванович,
я более или менее поправилась, не придете ли в это воскресенье[1]?
ДС. тоже хотел бы с вами повидаться.
Искренно Ваша

З. Гиппиус.

Отправлено на тот же адрес. П.ш.: 5.2.16. <*Помета Тинякова карандашом:*> Получ<ено> 5 февр<аля> 1916.

[1] Имеется в виду 7 февраля.

11

22 февраля 1916 г. Петроград

22–2–16 Спб.

Многоуважаемый
Александр Иванович.

«Прерыв» и «переворот» еще не значит «конец». Это лишь означает вступление в какую-то, пока, неизвестность.

Но об этом — в свое время. А пока — Д<митрий> С<ергеевич> просит вас зайти к нам *завтра* (вторн<ик>) около 10 вечера, с тем материалом, <с> кот<орым> вы должны были прийти в воскресенье[1].

З. Гиппиус.

<*Закрытка:*> Александру Ивановичу Тинякову. В<асильевский> О<стров>. 5 л<иния>. д. 30 кв. 25. П.ш.: 22.2.16. <*Помета Тинякова карандашом:*> Получ<ено> 23 ф<евраля> 1916.

[1] О каком материале идет речь, нам неизвестно.

12

26 февраля 1916 г. Петроград

Серг<иевская> 83, 26–2–16. Спб.

Многоуважаемый А<лександр> И<ванович>.

Я прочла вашу статью[1]. Извините меня, если не смогу по поводу нее сказать столько, сколько бы следовало. Но для всего, что я могла бы вам сказать, почтовых листков недостаточно. Ограничусь некоторыми отрывочными замечаниями.

Сначала о внешнем, конкретно-деловом. Я вам, для вас, не советую читать статью. Для лекции серьезно-специальной она недостаточно цельна и длинна; для публично-популярной — слишком специальна и серьезна. Ее нецельность ей вредит во всех смыслах. Вам, быть может, следовало бы сказать *свое* и «впятеро пространнее», и отнюдь не отталкиваясь ни от Мережковского, ни от кого другого. Такие отправления производят впечатление искусственности. И заставляют вас переходить из одной плоскости в другую, из одного масштаба в другой, почти полемизировать с частными явлениями, говоря об общих. Благодаря этому, значение того положительного, что вы хотите сказать, умаляется, перебивается, и самые возражения вам могут быть тоже какие-то смешанные. Если даже мы вынем всё наиболее попутное, — отдельные взгляды отдельных людей с Мер<ежковским> включительно, и такие ваши «возражения» как статистика, указывающая на «малое еще распространение христианства» (в каком *порядке* это «возражение»? Для кого оно? Для убежденных — смешно, для неубежденных — неинтересно), если, говорю я, мы с усилием все эти очевидные нестройности и даже порою lapsus'ы выкинем — то и после этого труда нелегко будет определить вашу позицию и позицию статьи, главное. Говорите ли вы религиозно или философски? И... говорите ли вы о религии или о философии? Что это, историко-философское исследование религий или религиозная проповедь? И нельзя решить, ибо это, в самом деле, ни то, ни другое, это смешение методов и концепций. Порою так выходит, что это, главным образом, суд над *народами* по признаку их религий, по их концепции Бога. Вы тогда во главу угла ставите нацию, народ, и даже не в движении их, а в любом данном. Вам не приходит в голову, что иудейская религия как таковая оценивается с двух сторон, со стороны вечного критерия и со стороны исторической; и если с одной стороны она должна быть осуждена, то *иудейского народа* это осуждение никак не может коснуться, ибо никакой народ никогда не может быть судим вне концепции исторической[2].

Но я отбрасываю все детали, важные и неважные, для краткости и подхожу к центру прямо, т.е. к тому, что, для меня, скажем, — есть главная религиозная нить, а в вас и в ваших религиозных приближениях абсолютно отсутствует. Это столь центрально, что я даже затрудняюсь, по совести, назвать *религией* систему или мироощущенье, где такой элемент отсутствует.

Я назову его — *Движением*. Возьмите как можно широко. Конечно, это обще, это намек, но уверяю вас, что знающий — поймет, о чем я говорю, без дальнейших определений (вполне возможных), а незнающий вряд ли поймет и с ними.

Отсутствие этого элемента у вас во всех проэкциях, в философии, в истории

и т.д. — очень примечательно. Восходя дальше, я и принуждена спросить себя, не таково ли самое свойство вашей «религии», не оттуда ли идут эти неподвижные лучи? Всё, что вы говорите мне об этом источнике, очень внятно отвечает мне «да». Напрасны все словесные доказательства о «деятельности», о «приемлемости мира», о «воле», даже о «движении»... это всё будет «не о том», и лишь совпадение слов. Ведь и движение по кругу — движение; и внутреннее стремление к Богу — тоже. Но для меня-то, знающей, о чем я говорю (и для других знающих и узнавших) — это будет не то, мимо. Там «сомкнут тайный круг»[3]. И вот, всё —

Застыло, каменея, как тело мертвеца.
Движенье — но без воли. Конец — но без конца.

Тут: «Отец Мой и доныне делает»[4].

Там: «И вечности безглазой беззвучен строй и лад...»

Пусть я не права. Но Божественному-только-Божественному, самому несказáнно-высокому, самому «сверх-»... я, однако, «почтительнейше билет возвращаю»[5] во имя ценности моего и все-человеческого. Мало того: я имею дерзость считать, что у меня есть нечто, оправдывающее «возвращение билета»... на проезд в Индию[6]. «Движение» — это всё еще в плоскости философской, и хотя не имеющему этого понятия дать его никакими разъяснениями нельзя, однако разъяснять тут, обосновывать, говорить — очень возможно. Но соответственно «Движению» — в плоскости религиозной есть Нечто, что ни на каком языке раскрыто быть не может, — а есть, и даже всё есть потому, что оно есть. Я дерзаю поставить его «сверх» всей сверх-мудрости и сверх-личного восточного Божества, сверх всего древнего бездонного круга. Назвать? Но имени я не знаю. Имею только условный знак, им сообщаются между собою те, кто носят в себе зерно понимания. Этот знак, слово, — *Любовь*.

Тут уж я вам не скажу: возьмите широко. Его, знак, ни широко, ни узко, нельзя взять, вообще нельзя взять: только иметь или не иметь. Видеть или не видеть.

Видящий или хоть понимающий, о чем речь, уже не пойдет в широкий, неподвижный Круг Востока, с его беспредельно-высокими небесами, не пойдет ни за какое сверх-блаженство, ни за какие обещанья сверхправды. «Небо-то... ведь оно, ты что думаешь? ведь оно в рост человеческий», — сказал один сибирский старичок[7]. И верно; так же верно, как и то, что оно высоко — без предела. Знающий о Движении, понимающий о Любви — это поймет. Другие — да пребывают в посильном блаженстве Высшей Мудрости, но пусть не судят Наивысшего, — им оно не даровано.

Возвращаясь к вам и к смешанности ваших реплик, скажу: если б весь мир принял «религию» Востока, и только трое[8] оставались бы в религии «Движения — Любви», — то уверенность этих троих не поколебалась бы: они точно так же надеялись, желали и ждали бы, что Круг разорвется, что мир сдвинется, что со всей Мудростью он войдет в Волю высшую, т.е. в Движение — Любовь.

Как ни трудно разорвать Круг для находящихся в Круге, — «нет невозможного для Бога»[9], и я не смотрю и на них, как на остановившихся довека; ведь я не хочу, ради Истины, отнять у них что-либо, — но *прибавить*. А все-таки сколь ближе мне (и ближе к Истине) братья-иудеи, народ-ребенок, *уже* весь в Движении, *уже*, с самого начала поставленный на путях к Любви. Не очень мудр

мудрец, если он убьет ребенка за то, что ребенок своими словами, по своему видению, расскажет ему об отце, — неверно, конечно, неполно и смешно. Убить же этого ребенка или хоть за дверь выкинуть — не смешно, а страшно.

Плененный далекой, неподвижной Мудростью — вы уже готовы на убийство. Войдя в Круг, сделавшись мудрецом, вы, конечно, и от этих движений откажетесь. И ваш суд над иудаизмом (+ народом иудейским) я отношу к вашей опасной переходной позиции. К вашим «борениям». Как она ни опасна, ни неустойчива — желаю вам, всё же, оставаться на ней по возможности дольше.... если, в конце концов, вы попустите Круг замкнуть вас.

Зерна понимания того Главного, о чем говорила я смутными намеками, — лежат во всякой душе. Но в иных прорастают, в других спят долго-долго, мертвым сном. У вас они спят. Бог один знает, когда этот мертвый сон переходит в подлинную смерть. И переходит ли. Но на каждого человека смотрю я с надеждой или со страхом. Один слова не умеет связать, глупые грубости городит, а у него зеленая былинка в душе качается; другой доступен сложнейшим умственным построениям, высоким экстазам ощущений, и... сухая земля у него там, где лежат глухо семена «Движения — Любви».

Не останавливаюсь совершенно на ваших строках о «революции»[10]. Они у вас даже внешне-непродуманы, да и естественно-ненужны, притянуты искусственно (как весь Мережковский и вместе с ним). Кроме того, если принять всё, что сказано мною выше, — ясно, что ничего нельзя говорить о «революции», увидеть даже нельзя ее, не зная ничего о Движении. Она ему прилежит, как творог и снег прилежат «белому». Слепой может говорить кое-что о твороге и о снеге, но никогда не скажет всего верного, нужного — *мне*, знающей «белизну».

Кончаю тем, чем начала. Если вопрос, которым Вы заняты, трогает вас серьезно, — отнеситесь к нему серьезно, — с какой-нибудь из двух сторон: научной или внутренней, но *не литературной*; во всяком случае — смешением тонов, аспектов и отсутствием перспектив ничего не достигается. Всякое действие (даже чтение лекции) должно быть узко, как лезвие ножа должно быть — óстро.

До свиданья. Не сетуйте на смутную отрывочность письма. Как иначе?

З. Гиппиус.

Послано на тот же адрес. П.ш.: 27.2.1916. <*Помета Тинякова карандашом:*> получ<ено> 27 февр<аля> 1916.

[1] О каком именно тексте Тинякова идет речь, неизвестно. Вероятно, он не был опубликован или прочитан в виде публичной лекции, иначе заслужил бы отзывы в критике в связи с апрельским скандалом. После же этого скандала появление материала в печати стало бы невозможно.

[2] См. в письме Тинякова в редакцию газеты «Земщина» (вероятно, в более обостренном и усиленном виде по сравнению с обсуждаемым текстом): «…поскольку *иудаизм* является выражением семитического духа и поскольку *христианство* является преодолением и отрицанием иудаизма — постольку я и до сих пор являюсь антисемитом, и впредь таковым останусь, от Иисуса Христа не отрекусь. <…> Евреи желают утвердить в мире свое национальное “я” в ущерб всякому другому “я”. И нет, на мой взгляд, дела более позорного, изменнического и грешного, чем помогать им в этом их стремлении, ибо еврейские победа и торжество будут знаменовать собою гибель и поругание всей нашей культуры и утверждение в мире тесного для нас и омерзительного талмудического порядка» (Земщина. 1916. 17 апреля. № 2328. С. 3).

[3] Не вполне точная цитата (в оригинале: «…сомкнули тайный круг») из стихотворения Гиппиус «Часы стоят» (1902; *Стихотворения*. С. 127–128). Далее Гиппиус цитирует это же стихотворение, также не везде точно.

[4] Не совсем точная евангельская цитата, в оригинале: «Отец мой доныне делает, и Я делаю» (Ин.: 5:17).

[5] Слова Ивана Карамазова (*Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. Ч. 2. Кн. 5. Гл. VI). Поставлены эпиграфом к позднейшему стихотворению Гиппиус «Рай» (*Стихотворения*. С. 339).

[6] Речь идет о мировоззренческих принципах некоторых восточных религий и соответствующей им бытовой практике «бездвижности». См., напр., в отклике Гиппиус на статью Тинякова: «Если мне скажут, что *Будда* и Эдиссон идут в разные стороны, — о, под этим я подпишусь обеими руками. Но и пусть себе они идут в разные стороны. Я не участи Индии хочу моей России» (*А. Кр[айний]*. Равноценности // Голос жизни. 1915. № 9. С. 1).

[7] Источник цитаты не установлен.

[8] Имеются в виду члены «триумвирата» — Гиппиус, Мережковский и Философов. С другой стороны, здесь, очевидно, есть намек на евангельскую фразу: «…где двое или трое собраны во имя мое, там Я посреди них» (Мф. 18:20).

[9] Ср.: «…человекам это невозможно, Богу же всё возможно» (Мф. 19:26).

[10] См. в письме Тинякова А.А. Блоку от 20 апреля 1916 г.: «…революционные движения не всегда бывают прогрессивны, но, по большей части, только *конвульсивны* и *как таковые* они часто ведут не к возрождению, а к ослаблению народных сил, и, следовательно, считать революцию непременно составленной частью *общечеловеческого* прогресса — нельзя. Не думаю, чтобы Гете или Толстой были враждебны прогрессу, но вряд ли у Революции найдется много столь серьезных противников, как они» (*Варжапетян*. С. 34).

13

28 февраля 1916 г. Петроград

28–2–16 Спб.

Я была бы не собой, а чем-то вроде того демонического существа (никогда «субъекта», всегда «объекта»), которым вы меня представляете, если б я могла оставить ваше письмо без ответа. Мне кажется бесполезным говорить с вами словами разума. Но не могу и смотреть молча на живое человеческое существо, столь явно исчезающее под властью Беса. Тем менее могу, что очевидно: какая-то шерстинка, волосок какой<-то> у этого вашего беса — от меня. Слова прозвучали... сгасли, как будто, и ничего; из них вырос коготок чорта, в вас вошедшего. «Люблю я себя, как Бога...»[1], «мы все пойдем на восток...»[2] и, наконец, — «безрадостно-благополучно...»[3] — вы даже не заметили, *откуда* это? Я справилась с чортом, а *показать* смогла не борьбу и победу, а только его самого. Я его выгнала из своего дома, а он пошел в ваш и, «найдя его прибранным и выметенным», «привел с собою злейших и поселился» в нем[4]. И мне случайно (или не случайно) довелось на это любоваться.

Я бы могла указать на вопиющие логические противоречия вашего собственного письма, но... бесполезно; ибо «сей род изгоняется лишь постом и молитвой»[5], лишь действием *воли*, человеческой и божественной, или Бого-человеческой. Бог не захочет помочь вам (из любви к вам не захочет), если вы не захотите помочь Ему в этой помощи.

Слышу знакомый голос дьявола в «смиренной» — «оценке своих сил». Не верьте ему, — тут я с правом скажу — верьте *мне*: человеку не открыта мера его сил, не позволено определять ее, «ибо не мерою дает Бог духа...»[6] Ваше ли это дело? Ваше — идти так, чтобы дойти, остальное вас не касается. Мало *верить* в Бога: надо еще *доверять* Ему. (Я не говорю, что я, вот именно я, и верю, и доверяю. Я говорю только, что *надо*; и имею право требовать этого от вас, ибо такие же требо-

вания предъявляю и к себе.) Есть только одна опасность: совершить *меньше* своих сил. Вот для этого-то дьявол и подталкивает на недозволенное «самовозвешиванье», имеющее такой «смиренный» аспект! И затемняет воистину смиренный разум, показывающий, что «оценка» уже потому ненужна, что сверх-то своих сил вы, ведь, ничего не сделаете, и только дадите «меру сил», когда будете делать без меры.

Но... «сей род изгоняется постом и молитвой». Для каждого свой «пост», свое действие. Не только Бог, но и человек не может другому помочь, если другой не поможет ему помочь. Попробуйте захотеть моей помощи, быть может, я и смогу вам ее дать. Я хотела бы, и уже потому особенно, что по человечеству виновата перед вами, — (если хоть шерстинка беса, вас одолевающего, от меня).

Не забывайте только, что моя помощь будет — человека человеку. Вашему бесу, заставляющему вас смотреть на меня своими глазами и видеть во мне не Человека (без смирения ставлю большую букву и желаю быть только достойной этого имени) — но какое-то подозрительное существо, «объект» благоговения и т.д., — вашему этому кощунственному бесу я помогать не желаю. Если вас не хватит и для первого усилия освобождения — и моя протянутая *человеческая* рука не встретит вашу, — что ж, это будет дьявольская победа, и моя вина останется на мне... Но это я напрасно пишу вам: не для меня, а для себя сделайте усилие освобождения. Для себя. За свои вины я сама отвечу, думайте о себе, прежде всего.

Чем сильнее хочу я помочь вам, — тем беспощаднее я к вашему бесу. И напрасно он говорит со мною из вас — обо мне. Я знаю его насквозь, меня он не обманет. Я — уже и не спорю с ним: *наш* спор кончен. Я смеюсь ему в лицо, где бы я это лицо ни увидала. И придумал новую штуку: одолевать других на моих глазах. Мне остается один выход: пытаться помочь другому в борьбе.

З. Гиппиус.

Вот это тоже *не вы* сделали приписку о «непрочтении вашего письма на собрании». Не вы, и не мне, а тому безответственно-божественному объекту, одному из тех, которым, по своей благости, «Бог не дал *быть*».

Послано на тот же адрес. П.ш.: 29.2.16. <*Помета Тинякова карандашом:*> Получ<ено> 29 ф<евраля> 1916.

[1] Из стихотворения Гиппиус «Посвящение» (1894). См.: *Стихотворения*. С. 76.

[2] Неточная цитата из того же стихотворения. В оригинале: «Мы оба идем на восток».

[3] Из стихотворения Гиппиус «Дьяволенок» (1906). См.: Там же. С. 177–179.

[4] Отсылка к Лк. 11:24–46.

[5] Не вполне точная евангельская цитата: Мф. 17:21; ср. также: Мк. 9:29.

[6] Ин. 3:34.

14

2 марта 1916 г. Петроград

2–3–16. СПБ.

Совершенно основательны были мои опасения, что слова разума ни к чему нас не приведут.

Верю вашей искренности. Могу уловить вашу психологию. Она мне чужда.

И так наполняет вас, что для логики нет места. Оттого вы и не слышите меня. Ни согласий, ни несогласий у вас нет со мною. И на «путь» мой вы не можете ни нейти, ни идти, ибо этого пути вы не видите.

И все ваши «возражения» я принуждена признать несуществующими, т.к. это возражения «не на то».

Устраним же из наших разговоров — бесполезное для вас (ибо невидимое) — мое «то́». Оставайтесь в царстве своей собственной, данной, психологии. Она мне чужда, — но не могу же я отрицать то, что есть. Я буду помнить, что под все слова, как «любовь, помощь, справедливость, движение» — вы подставляете свои (психологические, поэтому неустойчивые) понятия, и совсем *не можете* представить себе другие. Помня это, я, если придется говорить с вами, в вашей плоскости и постараюсь оставаться.

Возможны неожиданности, конечно; откуда, например, у вас выплыло «масонство», и какое оно имеет к нам и нашим разговорам отношение, — я никак не могла понять сразу[1]. Стала в тупик. Оперируя с прихотливыми нитями чистой психологии, да еще чужой, всегда можно запутаться. Масоны... откуда масоны? Звуковые ассоциации... Вы против иудаизма... против жидовства... против масонства... — «жидо-масоны»... — это «отображение внизу». Отлично. Готова и тут понять. Но ваш пафос против масонства не только мне чужд: еще неинтересен, благодаря неинтересности масонства.

А впрочем... говорите и <о> масонстве. Говорите о чем хотите. Ваши рассуждения о «влюбленности» меня почти так же удивили, как и неожиданное появление масонства. Но я их тоже принимаю. Вы искренни — этого довольно. Всякая моя требовательность к вам прекращается.

Помощи я *оказать* вам не могу. Но если вы называете что-то «помощью» и хотите это от меня *взять* — берите, пожалуйста. Где несправедливость? (пусть «справедливость — высшее», я, ведь, говорю по-вашему.) Я ничего не даю; если же вам *кажется*, что вы что-то берете, и это «кажется» вас утешает, — где проигрыш? Не на моей, во всяком случае, стороне.

Напротив, «запрещая» вам что-либо (видеть меня, например), я тем продолжала бы наш, в данную минуту бесплодный, спор, какой-то лишний, х <икс> сил потратила бы. Данное же положение и вас и меня устраивает. В моем простом, самом жизненном, доброжелательстве — вы, конечно, не будете сомневаться.

Если зайдете во вторник днем (воскресенья мои отменены), я отдам вам вашу статью. И кое-что скажу насчет Ляцкого[2].

До свиданья

З. Гиппиус

Послано на тот же адрес. П.ш.: 3.3.16. <*Помета Тинякова карандашом:*> Получ<ено> 3 марта 1916.

[1] Тиняков верил классическому утверждению антисемитской пропаганды о единстве масонства и иудаизма (или мирового еврейства). См. в его письме к А.М. Ремизову от 14 января 1914 г.: «Либо мы сохраним нашу Расовую Арийскую душу, наши церкви и нашу культуру, — либо потеряем всё и подпадем под власть дьяволопоклонников-жидов и масонов. Да не будет второго» (*Варжапетян*. С. 24). Ср. также письмо к нему И.С. Рукавишникова от 15 января 1914 г. (*Варжапетян*. С. 25).

[2] См. примеч. 4 к п. 6.

15

24 марта 1916 г. Петроград

24–3–16 СПБ

Я не то что осуждаю вас, Александр Иванович, но мне очень грустно на вас смотреть. Если вы «довольны и счастливы» — тем грустнее. Не оттого, что «мудрость печальна», а оттого, что вам не от чего быть сейчас собою довольным. Да и всё у вас надрыв. Ослепли и путаете, смешиваете и важное, и неважное, без перспективы. Ведь вы мне (теперь!) серьезно пишете, что, вот, Шмаков[1] вам книгу с автографом прислал, а у вас и тут «голова не закружилась» и вы не променяли «исканья правды» на эту честь. Я просто теряюсь, не знаю, улыбнуться мне или отвернуться. Совершенно так же непонятна мне психология ваша, когда вы пишете что-то о Мережковском, о ненависти к нему и т.д. Если бы все порядочные люди сплошь ненавидели нас до кровомщения, а все Шмаковы обожали, — вы думаете, что я из-за этого порядочных стала бы проклинать со всеми их делами и родом их, а Шмакова принимать? Вот, пожалуй, иудейская психология, в дурном смысле, — ведь не дай Бог, когда русский человек «жидовеет», он хуже еврея на это способен.

Я повторяю: ни ссориться с вами, ни «запрещать» вам что-либо — намерения не имею. Если бы вы слушались советов — я бы вам их давала. Но вы их не слушаетесь, значит — бесполезно. Смотрю на вас совершенно иначе, нежели вы сами на себя. Даже обратно. Т.е. ваши поступки и ваши «страстишки» (вроде «заведу драку» и пр.) я считаю вредными, — слегка для других, весьма для вас самого; и мелкими: неумными даже, почти «провинциальными», вроде скандальчиков губернского чиновника в подпитии[2]. Но вас самого — я считаю человеком талантливым, с хорошими *возможностями*. Я вижу вашу правду, даже когда вы лжете и выкручиваетесь, и тем более мне грустно и жалко... не вас, а вот эту обиженную правду, вами в вас попираемую. Почти попранную.

Это ложь, что вы «презираете» мнение о вас «всех» (?) и «дорожите только моим». Вы дрожите, напротив, перед взглядом последнего из «всех», но... неловки, и как раз потому, что сущность-то ваша — не ложь, не эта безмерная, жалкая слабость, рабья какая-то; — сущность ваша иная. Вы только ее душите, вместе с отпущенными вам «дарами».

Видите, мы смотрим совершенно противоположно на одного и того же человека, — на вас. Кто-нибудь ошибается. Но тут уж надо сказать открыто: ошибаетесь вы. *Не я*.

Знайте же, что ваши «поступки», вот хотя бы в этой истории, вплоть до вашего «письма» Василевскому[3], *я отрицаю*; я — с теми, кто нашим поступкам не доверяет. Но то доброе в вас, что и есть *вы,* — утверждаю. Пока не будет совсем задушено. Очень трудно теперь освобождать его. Куда легче задушить окончательно. Только скользить дальше... Но вы понимаете, что мне грустно смотреть на это. Нечем любоваться.

З. Гиппиус.

<*Конверт:*> Александру Ивановичу Тинякову. Вознесенский пр. д. 18 кв. 39. Здесь. П.ш.: 24.3.16. <*Помета Тинякова карандашом:*> Получ<ено> 4 марта 1916. Опубл.: *Варжапетян*. С. 30.

[1] Шмаков Алексей Семенович (1852–1916) — видный антисемит, автор многочисленных книг. По основной профессии юрист, на процессе Бейлиса был гражданским истцом. В статье «Грозовая заря» Тиняков писал: «Участие в процессе Бейлиса такого глубокого знатока еврейских тайн, каков А.С. Шмаков, заставляет надеяться на то, что тайные цели жидов будут раскрыты с достаточной ясностью» (Земщина. 1913. 4 октября. № 1459. С. 3; *Варжапетян*. С. 24).

[2] Явный намек на поведение самого Тинякова, известного скандалами в пьяном виде. В частности, с Ф. Сологубом и Ан.Н. Чеботаревской он разошелся именно из-за такого скандала.

[3] Василевский Илья Маркович (псевд. Не-Буква; 1882–1938, расстрелян) — журналист, в 1916 г. редактор «Журнала журналов», где опубликована «Исповедь антисемита» Тинякова.

16

29 марта 1916 г. Петроград

29 Мр. 16

Завтра, в среду, будьте добры зайти ко мне около 5 ч., Александр Иванович, если желаете сказать еще что-либо сверх вами сказанного.

З. Гиппиус.

Закрытое письмо на тот же адрес. П.ш. не читается. <*Помета Тинякова карандашом:*> Получ<ено> 30 мар<та> 1916.